

АННА ДАШЕВСКАЯ

ГАТЧИНСКИЙ
ПРИЗРАК

Анна Дашевская

Гатчинский призрак

<https://litres.ru/73744139>

SelfPub; 2026

Аннотация

В июле, на макушку лета отправив сына в спортивный лагерь, а мужа - в командировку, Лера уезжает в город своего детства, в Гатчину. Она собирается работать над диссертацией, посвящённой гатчинскому дворцу. Вот только обстоятельства складываются так, что она оказывается втянутой в расследование убийства...

Это пятая книга в серии "Тихий маленький город". Текст будет бесплатным до 4 а.л. включительно, потом подписка со скидкой.

Содержание

***	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	42
Глава 6	56
Глава 7	73
Глава 8	81
Глава 9	92
Глава 10	105
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Анна Дашевская

Гатчинский призрак

В хранилище было почти темно – много ли света может дать пара дежурных ламп в разных углах большой комнаты? Но находившийся здесь человек этой полутьмой нимало не тяготился, он отлично знал, где что стоит, и вообще был к этому походу хорошо подготовлен. На полу стоял большой короб, в каких развозят заказы доставщики еды, крышка его была откинута, и внутри виднелись плотно уложенные аккумуляторные картонные коробки.

Если бы кто-нибудь видел этого человека со стороны, то любому, даже самому наивному посетителю, стало бы ясно: гость-то незваный! Вон как он вздрагивает и оглядывается при любом шуме, как старается, чтобы ни один звук не намекнул охранникам, обходящим коридоры, что в хранилище кто-то есть.

Впрочем, несмотря на тревожное состояние, незваный гость действовал быстро и уверенно. Он достал из своей сумки картонные коробки - на каждой была непонятная надпись из букв и цифр, - расставил их на полу и начал вытаскивать из них содержимое.

- Та-ак, - тихо бормотал он под нос, - это у нас пара статуэток, подпорки для книг, «Гений истории» и «Гений географии». Они? Они. Позолоченная бронза, все дела. Идите, детки, в коробочку, а вместо вас поставим вот что...

Он водрузил на полку две гипсовых фигурки, выкрашенных «золотой» краской, полюбовался, чуть сдвинул и зло-радно хихикнул.

- От дверей никто, даже сам лично господин хранитель коллекции, великий знаток, не разглядит, что тут такое завелось. А уж чтобы он дальше не прошёл, это я обеспечу!

Вор – а теперь мы уже точно можем назвать мужчину этим словом! – аккуратно завернул настоящих бронзовых позолоченных мальчиков в упаковочную стружку и положил в коробку. Таким же образом он подменил ещё несколько раритетных изделий, бормоча про себя инвентарные номера, потом достал следующую коробку с подделкой и протянул руку к тому месту на полке, где, он точно знал, должен был стоять оригинал. Но пальцы его схватили пустоту.

- Не понял! – от неожиданности вор заговорил громче. – А курильница где?

В коридоре послышались шаги, кто-то подёргал дверь, и мужской голос громко спросил:

- Миш, у нас за хранилище расписывались?

- Конечно! – откликнулся другой голос, чуть хуже слышимый. – Сольников и расписывался, как всегда. Он же на конференцию уехал, теперь три дня никто и входить не будет.

- Может, сигнализацию не подключили? Надо проверить!

Погоди минутку, я дверь опечатаю от греха подальше!

Ругательство вор прошипел так тихо, что услышали его разве что пауки по углам...

Глава 1

«...первое документальное свидетельство о существовании поселения появляется в 1499 году как упоминание в Новгородской писцовой книге «села Хотчино над озерком Хотчиным», входившего тогда в Богородицкий Дягиленский погост Копорского уезда».

Писцовая книга Водской пятины, составленная московскими дьяком Дмитрием Васильевичем Китаевым и подьячим Никитой Семеновым сыном Губой Моклоковым в 1499/1500 году (7008 году от сотворения мира).

Ох, и туман сегодня! Словно снятым молоком залило улицы, дома, парк, дворец... Лежит одеялом на глади прудов, гасит звуки. Такой же туман был в тот день, когда Григорий Григорьевич приехал осматривать подаренное ему императрицей имение. И тут уж кто как, а я считаю датой своего основания именно тот туманный день! Не было бы без Григория Орлова города Гатчина, и всё тут...

Лера загнала машину во двор, забрала сумку и папку с материалами и поднялась на свой третий этаж. Привычно выглянула в окно, выходящее на Итальянскую – всё как всегда! Вон группа столпилась вокруг экскурсовода, вон стайка подростков со скейтами, вот две пожилых дамы выходят из кофейни... Центр города, середина июля, туристический сезон в разгаре.

Вчуже она посочувствовала экскурсоводу, рассказывающему об истории улицы автобусной группе в сорок с лишним человек. Как всегда, кто-то уже ушёл в сторону, кто-то не слушает вообще, три тётки болтают о своём, девочка лет четырнадцати нацепила наушники и приплясывает под слышимое только ей, совершенно не обращая внимания на гиду... Ужас, а не работа! Какое счастье, что у неё есть возможность не хвататься за любой вариант, лишь бы заработать – зарплату Игоря хватает на нормальную жизнь.

Она выложила стопку листов возле компьютера, потом достала из книжных шкафов несколько томов, которые могут ей понадобиться, полюбовалась получившимся натюрмортом и села работать.

Написанием диссертации Валерия Глебова занималась уже несколько лет. Сперва урывками, потому что их с Игорем сын, Саша, был ещё совсем маленьким: детский сад с бесконечными болезнями, потом начальные классы, потом болезненный переезд из тихой Гатчины в центр Питера... Для всех болезненный, для родителей тоже, но Сашке пришлось хуже всего. Сейчас, слава богу, всё выровнялось, нашлись в новой школе новые друзья, появились увлечения. Да и Игорь вдруг стал зарабатывать много, так что Лера оставила работу в экскурсионном бюро и ушла в «индивидуальные предприниматели». Частный гид по индивидуальным заказам.

И диссертация, да.

«Гатчинский дворец как центральная часть города-резиденции и синтез искусств в русской градостроительной культуре». Хорошо звучит, лично ей нравится.

Вздыхнув, Лера выкинула из головы все посторонние мысли и погрузилась в текст.

Работа шла отлично, и Лера нырнула в неё целиком, не замечая ничего вокруг. А когда отвлеклась на телефонный звонок, с удивлением поняла, что прошло четыре с лишним часа, и желудок недвусмысленно намекает на свою пустоту. Пока она раскапывала в сумке аппарат, он перестал звонить.

- Ну, и кому я так понадобилась? – спросила Лера. – И где этот чёртов телефон? А, вот же он! Я же специально его в кармашек положила, чтобы легче было искать!

Оказывается, звонила ей тётушка Люсенька. Ну, вот так сложилось в этой семье, что немолодую уже женщину, сестру Лериного отца, называли не полным именем, Людмила Николаевна, а ласково, Люсенькой.

- Привет! – сказала Лера, услышав знакомый голос. – Звонила?

- Да, дорогая, прости, что отрываю...

- Ерунда. У тебя всё в порядке?

- В том-то и дело, что нет! Представляешь, полезла на табуретку и... и упала с неё.

Люсенька всхлипнула, и это было так на неё непохоже, так пугающе, что у Леры замерло сердце.

- Сильно ушиблась?

- Кажется, да... Понимаешь, я бы тебя и не дёргала, но... родители твои уехали в Москву на три дня, а я встать не могу...

- И не пробуй даже!

Лера напугалась - сколько она слышала жутких историй о переломах шейки бедра у пожилых людей, а ведь Люсенька уже того... вошла в критический возраст.

- Так, сейчас я приеду. Ключи у меня есть, буду через час.

- Спасибо, деточка!

Отключившись, Лера покачала головой и пробормотала:

- Совсем дело плохо, деточкой она меня уже лет двадцать не называла.

Дорога забитой не была, так что ехала Лера довольно спокойно. Первую половину пути она уговаривала себя не нервничать, а примерно на полдороге задумалась: может, надо было взять с собой одежду, ноутбук и материалы? Какая ей, в сущности, разница, где заниматься текстом о коллекциях Гатчинского дворца, в Питере или в Гатчине? У родителей даже и лучше, всё рукой подать, можно в любой момент сходить и уточнить мелкие детали... Так что на родную улицу Чкалова она сворачивала уже практически с готовым решением. Миновала музыкальную школу, где работала мама. Оттуда, несмотря на середину июля и каникулы, через распахнутые окна слышалось чьё-то неуверенное ковыляние по клавишам фортепиано, и свернула в переулок.

Всё, приехала.

Тётушка ухитрилась перебраться с полу в кресло. Видимо, на это ушли все остававшиеся у неё силы, потому что выглядела она скверно.

Не глядя, Лера бросила куда-то сумку и сказала:

- Сейчас руки вымою, ещё минуточку погоди.

- Угу.

«Ура-ура, это не бедро! Щиколотка распухла, покраснела и горячая. Отёк серьёзный, а вон и гематома прорисовывается... Растяжение? Дай-то бог...» - думала Лера, выкапывая в морозилке пакет с горошком и заворачивая его в полотенце.

- Так, давай ногу положим повыше, - сказала она, придвигая к дивану пуфик и укладывая на него пару подушек. - И сейчас ещё холод приложим, а потом я вызову скорую.

- Да их три часа ждать, если вообще приедут! - махнула рукой Люсенька.

- Значит, частных вызовем, - сурово ответила Лера, доставая сумку из-за торшера.

По счастью, в ближайшей частной клинике имелся не только врач-травматолог, но и переносной рентген, так что по прошествии недолгого времени обеих женщин заверили, что это растяжение, никакого перелома нет; что сделала Лера всё правильно и принять обезболивающее можно и нужно; что лично он, травматолог, готов приехать завтра утром и посмотреть, как идёт процесс. Лера оплатила немалый счёт, проводила врача и закрыла за ним дверь.

Люсенька, сдвинув брови, что-то искала в мобильном.

- Смотрю, сколько стоят услуги сиделки, - пояснила она.

- И как?

- Да ужас! Но ведь придётся кого-то нанимать, я сама до уборной не доберусь, не то, чтобы чай согреть...

- Давай сделаем так, - Лера села напротив тётушки и взяла в руки её ледяные ладони. – Я завтра с утра съезжу, соберу вещи, вернусь и поживу здесь, с тобой. Всё равно я сейчас не работаю, занялась диссертацией.

- А твои мальчики как же?

- А нету их, - Лера ухмыльнулась. – Сашка в лагере спортивном, я ж тебе говорила, а Игорь сегодня утром улетел в командировку, недели на две минимум.

Двенадцатилетний Саша Глебов всерьёз занимался легкоатлетическим троеборьем, так что с растяжениями и прочими травмами Валерия была знакома не понаслышке.

- Знаешь, я бы прилегла, - выдохнула Люсенька. – Прямо тут, на диване, только пледом меня прикрой, пожалуйста.

Лера прикрыла её пледом, подложила удобную подушку, зашторила окно и вышла, тщательно закрыв дверь. Заглянула в комнату, где жила девочкой – конечно, здесь всё изменилось. Четырнадцать лет назад она вышла замуж и переехала к Игорю. Ещё через несколько лет родители сделали ремонт, перетащили книжные шкафы и старинный письменный стол, и получился кабинет. Диван здесь тоже имелся, так что никаких проблем не предвиделось.

Ночью Лера несколько раз вставала к Люсеньке: та спала

плохо, постанывала, просыпалась и перекладывала ногу поудобнее, но под утро, видимо, боль утихла, и тётушка заснула крепко. Врач обещал заехать между десятью и одиннадцатью, так что было время на всё. Завтрак, утренние процедуры, визит врача отняли часа два, если не больше, но всё равно в районе полудня машина выехала на трассу и погнала в сторону Питера.

Глава 2

«Большой Гатчинский дворец построен в 1766—1781 годах в Гатчине по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди в стиле классицизма для фаворита Екатерины II графа Григория Григорьевича Орлова. Расположенный на холме над Серебряным озером дворец сочетает в себе темы средневекового замка и загородной резиденции».

«Надпись на Гатчинский Его Императорского Величества государя цесаревича и Великого Князя Павла Петровича Дворец

Огромно здание из камня именита,
Которым Пудостка окружность знаменита.
Величием равно величью тех громад,
При Нильских берегах которые стоят;
Но вкусом, зодчеством, искусством, красотою,
Садов, лугов, прудов с прозрачною водою,
Превозвышая их являют Павлов двор,
Вмещаючи в себя всех редкостей собор;
И тако Гатчина со именем согласна,
Её и внутренность и внешность есть прекрасна».

В.Г.Рубан[1]

Всё же, что ни говори, в те времена, когда моим обликом занимались Григорий Григорьевич и синьор Ринальди, всё было другим! Зимы - более снежными и морозными, леса –

густыми, дворцы роскошными, а речь плавной и торжественной. А сейчас, эх... Впрочем, нынче мне грех жаловаться: многое в моём облике уже восстановлено после страшных, чудовищных разрушений последней войны. В галереях и залах выставляются, как когда-то, сокровища красоты и вкуса, собранные владельцами, а в парке проводят, как и когда-то, увеселения. Вот и нынче, я слышал, собираются устраивать бал-маскарад, с оркестром и фейерверком. Оно конечно, таких огненных увеселений, как при матушке-царице, теперь не делают, а всё же хорошо... (шёпот затихает, и Большой Гатчинский дворец снова погружается в дремоту).

Дворец Лера знала хорошо.

Ох, нет, не так: дворец и парк вокруг него Лера знала, как свои пять пальцев. И как же иначе, если она здесь работала больше семи лет, с окончания института и до переезда в Питер? Да и до того жила с родителями в Гатчине, а значит, гуляла в парке, видела своими глазами, как восстанавливали башенные часы, как открывали для посетителей всё больше и больше залов, как начали возвращать на свои места картины, бронзу, мебель... Так что, в общем-то, у неё не было сомнений, что ей разрешат поработать над диссертацией там, на месте, то и дело ныряя в материалы, карты, строительные планы, рассматривая пейзажи и обдумывая формулировки среди дворцовых залов.

Правда, директор музея поменялся, Александр Петрович, с которым она работала когда-то, ушёл на пенсию, а с новым

она знакома не была. Но остальной коллектив почти весь остался на месте, так что Лера рассчитывала на тёплый приём.

С этими мыслями возвращалась она из Питера.

На сей раз дорога была забыта плотно, машина еле ползла в плотном потоке. Зато было время подумать и повспоминать.

Гатчину Валерия Глебова любила нежно. В этом городе она родилась и жила бóльшую часть жизни, и он, наверное, вьелся в её плоть и кровь. Так что, когда настало время выбирать, куда идти после школы, долгие размышления не потребовались: как и мама, София Геннадьевна, Лера решила поступать в Питерский институт культуры. Вот только мама заканчивала факультет искусств, а дочь выбрала факультет мировой культуры, реставраторскую кафедру. И, само собой, вернулась работать в Гатчину, во дворец, тем более что реставраторской работы здесь предстояло немеряно.

Пробка рассосалась, и дорога полетела под колёса. Мелькнули новые кварталы на окраине города по Ленинградскому шоссе, проплыли Ингебургские ворота, и пошла родная двухэтажная застройка, краснокирпичные и белые домики, зелёные дворы, закрытые стеклянные двери кинотеатра, там, в стороне - купола собора апостола Павла... всё, вот поворот на Чкалова, музыкальная школа, дом.

Заглушив мотор, Лера выдохнула и на мгновение закрыла глаза.

Ещё за закрытой дверью квартиры она услышала смех.

- Странно, - вошла в коридор и прислушалась. – Точно, у тётушки хохочут. И похоже, она там не одна.

Там их было трое – две дамы в самом что ни на есть солидном возрасте плюс сама Люсенька; центр композиции представляла собою забинтованная нога, возлежащая на пуфике. Все трое повернулись к вошедшей Лере с вопросительным видом.

- О, а ты уже приехала! – воскликнула Люсенька. – А девочки вот пришли меня навестить, и обед принесли, и развлекли немного!

Обед и в самом деле был... ну, не обед, его остатки - большая миска с пирожками, уже показавшая дно, и опустевшие чашки от чая.

- Пирожки-и... - протянула изрядно проголодавшаяся Лера.

- А мы тебе оставили, - сказала дама, сидевшая справа от Люсеньки.

- Чай сейчас подогрею, - заторопилась на кухню вторая.

Конечно, Лера их обеих знала лет сто, тётушкины ближайšie подруги Мария Вениаминовна и Елизавета Павловна. Были они неуловимо похожи – не то короткими стильными стрижками седых волос, не то тем, что носили исключительно джинсы. Вообще-то, обычно не отставала от них и Люсенька, но сейчас, ввиду болезненного состояния, она была облачена в шёлковый халат невысказанной красоты – малино-

вый, расшитый пионами.

- А как же ты двери-то им открыла? – удивилась Лера при-мерно на четвёртом пирожке.

- Так у нас ключи есть, - Елизавета Павловна покопалась в своей сумке и достала небольшую связку. – Вот, у каждой такая – от этой квартиры, от моей и от Машиной. Мало ли что...

Лера допила чай и посмотрела на часы: начало пятого.

- Дамы, вы посидите тут ещё часок? Хочу сбегать во дворец, может, застану директора.

- Можешь даже не очень торопиться, - милостиво позволила Мария Вениаминовна. – Во-первых, мы никуда не спешим, а во-вторых, Бахтин обычно раньше восьми-девяти не уходит.

- Вы его знаете?

- Сто лет, - фыркнула гостья. – Я была классным руководителем и выпускала их класс... когда же?

- В две тысячи втором, - ответила Елизавета Павловна. – Я отлично это помню, потому что вела у них математику, и Серёжа Бахтин чуть было не получил годовую тройку в последнем классе. Ух, как я его тянула!

- Всё, тогда я побежала! – Лера подхватила сумку, сунула ноги в босоножки и пошла к двери.

За её спиной продолжались воспоминания о том, как все три дамы работали в школе...

[1] Васи́лий Григо́рьевич Ру́бан (14 [25] марта 1742, Белгород — 24 сентября [5 октября] 1795, Санкт-Петербург) — русский писатель и поэт эпохи Просвещения. Издатель журналов «Ни то, ни сё» (1769), «Трудолюбивый муравей» (1771), «Старина и новизна» (1772—1773) — одних из первых на русском языке. Переводчик сочинений Вергилия и Овидия.

Глава 3

«...Ансамбль в Гатчине имеет почти недостижимое выражение благородства и величия...

...Как шедевр искусства, которому прекрасная природа здесь помогла более чем какой-либо другой резиденции близ императорской столицы, загородный замок Гатчины со своими обширными садами и постройками заслужил, чтобы его знали...

...Сам император Иосиф II признавал за Гатчинским дворцом преимущественное положение среди первейших дворцов Европы». Барон Бальтазар Кампенгаузен[1], СПб, 1797 г.

Первым, кого встретила Лера, войдя в главные ворота, был Пашка Крашенинников. Он стоял возле памятника Павлу I и, задрав голову, внимательно смотрел куда-то в район треуголки. Впрочем, на треуголке устроился голубь, так что, вполне возможно, пыливый взгляд был устремлён как раз на гадючую птичку.

- Привет, Паш! – окликнула его Лера. – Ты что, ждёшь, когда твой царственный тёзка на тебя внимание обратит?

Переведя на неё затуманенный взор, Крашенинников нахмурился, не узнавая, потом расплылся в улыбке.

- Лерка! Ты откуда? Вернуться решила, что ли?

- Нет пока, просто с визитом, мелкие вопросы надо ре-

шить. Скажи мне, милый друг, к Бахтину как пройти?

- К Ба-ахтину? – Пашка смерил её таким взглядом, словно Лера пыталась прорваться на приём к Григорию Орлову, не меньше, и подхватил с земли свой вечный чемоданчик с инструментами. – Ну пойдём, провожу. А ты договаривалась?

- Нет. А что, так не примет?

- Да кто ж его знает? – изрёк провожатый глубокомысленно и замолчал.

- Что у вас тут нового? – спросила Лера через несколько шагов.

Крашенинников хохотнул.

- Откуда ж в нашей глубокой провинции чему новому быть? Вот Валюха Старостина в декрет ушла...

- Погоди, вроде, когда я увольнялась, она была в декрете?

- То тогда, а то сейчас. У неё уже третий на подходе, так что может и не вернуться. Ну, что Баширов на пенсию ушёл, это ты в курсе?

- Ага.

Ещё минут пять они вяло поперебивали кости общим знакомым – а их было немало, потому что народ работал в музейном комплексе по многу лет, и Лера знала практически всех. Ну, может, с рабочими, которые занимались восстановлением Адмиралтейской пристани, не особо была знакома, но с ними, как и с их руководителями, она ведь практически не сталкивалась. Не слишком хорошо она знала и технических сотрудников вроде сантехников и электриков,

а уж айтишники вообще представляли собой отдельное, совершенно автономное государство, и к ним даже директор ходил только по предварительной договорённости.

Прежний директор, конечно. Весьма вероятно, что нынешний всё поставит, как это называлось в старинных кулинарных книгах, «иным манером»...

Крашенинников же, хотя и числился в группе компьютерного обеспечения, был знаком всем и каждому. Во-первых, именно он налаживал и проверял датчики температуры и влажности в хранилищах. Во-вторых, его можно было попросить помочь с личным компьютером или ноутбуком, починить настольную лампу или мигающий светильник, в общем – всё то, что требует ловких пальцев и близкого знакомства с отвёрткой. Безотказный Паша никогда не говорил «нет», за личную помощь брал по-божески, а иногда и вовсе ответными услугами, и всегда готов был подхватить и разнести новую сплетню. Сплетни в коллективе ходили обычно безобидные, поэтому Пашу Крашенинникова любили.

- О! Вспомнил! – воскликнул Паша, уже входя в короткий коридорчик, ведущий к директорскому кабинету. – Ходит слух, что видели призрак Гришки Орлова!

- Паш, ну какой он тебе «Гришка»? – поморщилась Лера.

- Каюсь – каюсь, - пропел Крашенинников дурашливо. – Больше не буду, обязуюсь именовать исключительно по имени-отчеству. Особенно, если встречу ночью в тёмном коридоре.

- И про призрак этот говорят, по-моему, с тыщу семьсот восемьдесят третьего года, со дня смерти Григория Григорьевича. Я об этом читала в чьих-то мемуарах конца девятнадцатого века...

- То говорят, - вдруг Пашка посерьёзшел, огляделся и зашептал, хотя в коротком коридоре не было никого, даже портретов. – То говорят, а то видели люди. Шёл по парадным залам, и лицом, говорят, был гневен!

- Да ну тебя... – Лера отмахнулась и шагнула к двери директорского кабинета. – Всё, спасибо, что проводил!

В кабинете было почти темно, только свет от настольной лампы очерчивал круг, в котором видны были руки в белых хлопковых перчатках, вертящие в пальцах что-то небольшое и тёмное, зелёное сукно стола и лежащие на нём блокнот и карандаш. Ещё лампа освещала подбородок сидящего за столом мужчины. Подбородок был из тех, которые в описаниях обычно именуется «упрямыми», и покрывавшая его лёгкая небритость уже, пожалуй, заслужила право именоваться «щетиной». Ах, да: ещё на этом подбородке была ямочка. Лера тут же вспомнила старый-престарый фильм с Одри Хэпберн и наивный вопрос главной героини: «Как вы это бреете?».

Лера хихикнула. В тишине кабинета её смех прозвучал громко и как-то совсем неуместно, и она почувствовала, как заливается краской.

- Добрый вечер! – поздоровалась она громко и шагнула

вперёд. – Можно?

Хозяин кабинета поднял взгляд от предмета в его руках.

- Добрый вечер! Конечно, проходите, прошу вас. Валерия Михайловна, как я понимаю?

- Да... А как вы...

Он усмехнулся.

- Ничего загадочного. Мне позвонила великолепная Мария Вениаминовна и предупредила, что вы придёте. Меня, как вы, наверное, знаете, зовут Сергей Сергеевич, так что мы с вами были знакомы заочно, а теперь познакомились вочию. Кстати, что вы скажете вот об этом?

Директор музея поставил перед ней предмет, который до этого внимательно рассматривал. Это оказался небольшой бронзовый бюст дамы - высокая причёска, ниспадающие на плечи локоны, красиво уложенные складки ткани...

- Ну-у... Мне кажется, что это бронзовая копия бюста герцогини Вюртембергской, того, мраморного, что стоит в Башенном кабинете Марии Фёдоровны. Так?

- Так, - улыбнулся Сергей Сергеевич. – А когда изготовлен, скажете?

- Вот так вот, не взяв в руки, при довольно слабом освещении? Нет, простите, не возьмусь. Да и не спец я по бронзе, если честно...

- Ладно, вы правы, здесь и в самом деле темновато. Но знаете, глаза устают за день, не хочется зажигать большой свет, - он убрал статуэтку в коробочку, сунул её в ящик стола

и стянул перчатки. – Итак, Валерия Михайловна, что привело вас в нашу провинцию?

- Понимаете, Сергей Сергеевич, я сейчас пытаюсь написать диссертацию, - Лера сцепила пальцы и поняла, что волнуется. – И очень бы хотелось немного поработать здесь, во дворце, если вы разрешите.

- Дис-сер-тация, - повторил директор по слогам. – А тема какая?

- «Гатчинский дворец как центральная часть города-резиденции и синтез искусств в русской градостроительной культуре».

- Хм... Солидно. Вы что заканчивали?

- Институт культуры.

- А факультет?

- Мировой культуры, по специальности «Консервация и реставрация объектов культурного наследия». Потом ещё прошла годичные курсы гидов.

- Хорошо, что ж... - помолчав несколько секунд, он кивнул. – У ученых есть свободный стол. Только компьютера нет.

- Ничего страшного! – воскликнула Лера радостно. – Я всё равно в ноутбук работаю! Спасибо большое!

- Но с одним условием... Даже с двумя.

- Какими?

- Во-первых, в понедельник придет фотограф, будет снимать коллекцию бронзы для каталога. Сольникову, храните-

лю коллекции, понадобится помощь.

- Ой, с удовольствием! Антон Владимирович замечательный специалист, и работать с ним всегда было приятно.

- Очень хорошо. А во-вторых, в середине следующей недели, точнее говоря – со среды, шестнадцатого июля, в парке будет проходит праздник середины лета. С шестнадцатого по двадцатое, - уточнил Сергей Сергеевич. – Концерты там всякие, детский фестиваль, конкурс клоунов, и самое главное – в субботу костюмированное шествие и бал.

- Ой-ой-ой, - вырвалось у Леры, и она зажала себе рот руками.

- Вот именно, что ой-ой-ой. И вот тут понадобится помощь... чёрт его знает, какая. Даже предположить пока не могу. Разная. Согласны?

- А у меня есть выбор? Согласна. Только со встречным условием: дети и клоуны – не ко мне. Деть у меня свой есть, мне хватает, а клоунов я побаиваюсь, если честно.

- По рукам!

Они и в самом деле с самым серьёзным видом обменялись рукопожатием, а потом дружно рассмеялись.

- Не говорите никому, - сказал Сергей Сергеевич таинственным полушёпотом, - но клоунов я тоже опасаюсь.

Лера попрощалась и встала. Уже у двери она повернулась и спросила:

- А какого всё-таки года тот бюстик?

- Не знаю, Валерия Михайловна! Тут в Гатчине недавно

умер один коллекционер, который собирал всё, что связано с Павлом и павловской эпохой, вот по его завещанию мы и получили массу всякого. Интересного и не очень, ценного и... не слишком. И этот предмет из той же коллекции. Будем с Сольниковым смотреть и думать. Всего вам доброго!

Когда Лера свернула из коротенького коридорчика, ведущего к директорскому кабинету, в анфиладу залов, там уже было темно, осталось только дежурное освещение. Она ускорила шаги: в полутьме казалось, что портреты выступают из рам и провожают её взглядами. Вдруг в дальней комнате анфилады мелькнула смутная фигура, и Лера окликнула:

- Эй, кто здесь! Подождите меня!

Она почти побежала, но мужчина – а это был явно мужчина, высокий и широкоплечий, теперь она ясно разглядела! – оглянулся и нырнул куда-то вбок. Когда Лера влетела в тот самый дальний зал, там уже никого не было. Что-то показалось ей странным, но останавливаться и задумываться об этом не было никакого желания.

Уже пройдя быстрым шагом через парк и попав на тихую, хорошо освещённую и до последнего кустика знакомую улицу Чкалова, она сообразила, что же было не так. Во-первых, сворачивать в той комнате было решительно некуда. Во-вторых, на непонятной мужской фигуре она разглядела белый парик и синий, расшитый серебром камзол...

[1] Барон Балтазár Балтазáрович Кампенгаузен (нем.

Balthasar von Campenhausen; 16 января (5 января по старому стилю) 1772, усадьба Ленценгоф в Рижской губернии — 23 сентября (11 сентября по старому стилю) 1823, дача под Петербургом) государственный деятель Российской империи, член Государственного совета (28 января 1811), сенатор (28 января 1811), государственный контролёр (с 28 января 1811 по 29 августа 1823), управляющий Министерством внутренних дел (с 28 июня 1823 по 29 августа 1823).

Глава 4

«Город Гатчина не имеющий уезда. При нём. а) Церкви каменные две из коих одна во имя Воскресения Христова, а другая во имя Св. Апостолов Петра и Павла. б) Богадельня. в) Гошпиталь. г) Воспитательный дом.

Число жителей по ревизии: Мужеска пола — 1880, Женска пола — 1150».

Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. — СПб.: Губернская Типография, 1838.

В Дворцовом парке нынче устраивают большой праздник с музыкантами, фейерверками и балом-маскарадом. В мэрии решили, что костюмированные гатчинцы пройдут по трём главным улицам до обелиска «Коннетабль», а уж оттуда отправятся в парк, где будут веселиться, сколько пожелают. Что ж, виданы мною большие ассамблеи, что устраивал Григорий Григорьевич, следом великий князь Павел Петрович и другие владельцы Большого дворца. И фейерверки бывали, и машкерады, да-с...

Ну, поглядим, как оно будет, поглядим...

На удивление Лера легко вписалась в окружающую действительность – в жизнь тётушки Люсеньки, родительской квартиры, Большого дворца и города Гатчина вообще. Люсенька понемногу выздоравливала, уже сама ходила по дому и даже чай заваривала. Родители неожиданно задержались в

Москве ещё на неделю, какие-то там отец решал вопросы по работе, а матушка бегала по выставкам и концертам. Лера встретила пару раз со школьными подругами – посидели в баре, потрепались, кто как живёт, посплетничали, конечно. В общем, чувство было, словно и не уезжала из Гатчины...

Работа над диссертацией резко ускорилась, просто летела вперёд. С некоторой осторожностью даже можно было признать, что уже видно завершение, вот ещё неделя-другая – и настанет момент встречи с научным руководителем.

Словом, жизнь была прекрасна. До определённого момента.

Оказалось, что фотограф, приглашённый для съёмки бронзы – большая знаменитость. Вот просто Энни Лейбовиц, Хельмут Ньютон, Стив МакКарри и Ирвинг Пенн[1] в одном флаконе.

Ну, почти.

Звался великий человек Карлом Новицким, имел среди своих прозвище Шарлемань[2], работал на Phase One XF IQ4 150MP [3] и снимал, в общем-то, всё, что попадало в кадр. Лера потом из любопытства полезла искать его в Интернете, нашла кучу снимков и впечатлилась.

Но вот знакомство с Шарлеманем началось как-то не очень.

Примерно до полудня в понедельник, четырнадцатого июля, Лера работала, не поднимая головы. Она помнила, что на этот день назначена съёмка бронзы, и что у неё

есть неопределённые, но важные обязанности по содействию Антону Сольникову, который про эту бронзу знает всё и немножко больше. Вот Антон-то и позвонил ей в начале первого со словами:

- Ты где, душа моя?

- Сижу за столом, страдаю над формулировками, - честно ответила Лера.

- Ноги в руки и бегом в Белый зал, здесь съёмка будет!

О Белом зале в путеводителе по дворцу говорилось вот что: «Самый большой из парадных залов центрального корпуса. Служил для проведения балов, концертов, здесь придворные ожидали аудиенций императора и императрицы». Откровенно говоря, Лера этот зал не любила, слишком уж он был холодным. Да, понятно, что так и надо, такое ощущение и должно оставаться от места, где придворные часами ожидают аудиенцию, но... ну имеет же она право любить личный кабинет Марии Фёдоровны и не любить Белый зал? Имеет. Вот и отстаньте...

Именно это, ну, или что-то похожее бурчала про себя Валерия Михайловна Глебова, скача вверх по ступенькам парадной лестницы. Добежав до аванзала, она выдохнула, мельком посмотрелась в зеркало, убедилась, что щёки не пылают и волосы не растрепались, и уже неторопливой плавной походкой прошла в парадный зал.

Зря старалась, кстати, никто даже и не посмотрел на неё, потому что над очередным экспонатом, принесённым для

съёмки, кипело мини-сражение. Экспонат, часы из золочёной бронзы – фигурка Венеры, сидящей в повозке, Амур перед ней, всяческие завитки, как положено в ампире, - стояли на принесённом откуда-то столе, застеленном серой бумагой. Листы такой же бумаги в жёстких фиксирующих рамках служили фоном. Под большим зонтом-отражателем нос к носу стояли двое мужчин: широкоплечий Шарлемань с задорно выставленной вперёд рыжей бородой и коротко остриженными волосами едва доставал до плеча высоченному, худому, совершенно седому Сольникову. Сквозь сжатые зубы Сольников шипел:

- А я вам говорю, что таким светом вы мне экспонат попортите! А это, между прочим, восемнадцатый век, работа мастера Виона! Наши реставраторы над этими часами два года колдовали, чтобы они так выглядели!

Лера посмотрела на часы: те и в самом деле выглядели отлично. Благородно, как и положено золочёной бронзе из кабинета императрицы.

- Вы мне про ваших реставраторов не рассказывайте, подумаешь, тоже работа! Вот только если я начну снимать при солнечном свете, так в течение дня цветовая температура поменяется, и это отразится на стабильности цвета на фото. Это понятно?

- И почему у вас фон серый? На чёрном надо снимать, чтобы каждый изгиб видно было!

- Серый с восемнадцатипроцентным отражением света, по

нему идеально экспозиция выставляется. Поляризационные фильтры нам не нужны, ваши предметы же не под стеклом?

- Под стеклом, - упрямо ответил Сольников. – Любимые часы Марии Фёдоровны работы Ледюра под стеклянным колпаком, там очень капризный механизм. Их вообще трогать нельзя, надо снимать по месту,

- Ну, значит, снимем по месту, - пожал плечами Шарлемань.

Сольников набрал воздуха и пошёл на новый круг. Послушав пару минут, Лера поняла: надо вмешиваться, иначе съёмка не закончится никогда.

- Антон, - сказала она негромко.

Две пары глаз, кажется, даже светящихся красным, повернулись к ней.

- Ну?

- По-моему, на таком расстоянии этот агрегат бронзу не нагревает, - голос её был твёрдым. – Сейчас уже половина первого, солнце в высшей точке, но ведь освещённость, направление, цвет - всё меняться будет! Господин Новицкий прав, я думаю. И надо начинать работать.

- Пррррав? – прорычал Сольников. – Да и чёрт с вами, делайте что хотите!

И он выскочил из зала.

- Отлично, - сказал Шарлемань совершенно спокойным голосом. – Саня, выставляй свет. Вы, сударыня?..

- Валерия Глебова, научный сотрудник. Думаю, что вы

вполне можете называть меня Лерой.

- Ладно, принимается. Как вы там с этим обращаетесь, в перчатках? Есть у вас?

- Конечно!

Лера достала из заднего кармана джинсов пакет с хлопковыми белыми перчатками, натянула их и воззрилась на Шарлеманя.

- Командуйте!

И дело пошло.

Само собой, Сольников дулся недолго, и минут через двадцать уже включился в процесс: приносил всё новые и новые экспонаты, уносил уже отснятые, просматривал некоторые снимки и опять до хрипоты спорил. Жизнь кипела.

Где-то часам к четырём все почувствовали, что выдохлись, и Лера робко поинтересовалась:

- А может, перекусим? Кофейку выпьем?

Немногословный помощник Шарлеманя посмотрел на неё, словно на святую и выдохнул:

- Да-а!

Кофе и пирожки отчего-то не взбодрили. Оба мэтра сделались вялыми, яркий свет безжалостно выделил морщины на лице Сольникова и седину в рыжей бороде Шарлеманя. И вдохновение у обоих, кажется, совсем пропало, Антон даже ругаться не пытался.

Лера покусала губы и сказала:

- Господа, у меня есть предложение. Давайте сделаем ма-

ленький перерыв, на четверть часа.

- Да? Мы вроде поели уже... – без особого интереса ответил Шарлемань.

- Поели. Теперь Антон пойдёт в свой кабинет и пятнадцать минут подремлет в кресле. А мы с вами, Карл, выйдем в парк и полюбуемся Серебряным прудом.

Шарлемань покосился на неё, потом вытащил из своего щегольского чемоданчика другую камеру, поменьше, но с более длинным объективом, и кивнул.

- Пошли!

Потом, когда убийца был вычислен и задержан, когда всё закончилось, тот самый молчаливый Саня прислал Лере её снимки возле Серебряного пруда, и она поняла, почему фотографа Карла Новицкого называют «великим», иногда даже без кавычек. А пока опускающееся солнце сияло на глади прудов, пятнало золотом траву газонов и клумбы с бархатцами, лавандой и разноцветными флоксами, и одуряюще пахла резеда. Лера смеялась, Шарлемань непрерывно щёлкал фотоаппаратом, и небо было совершенно безоблачным.

Короткий отдых и в самом деле пошёл всем на пользу. Съёмка продолжалась, хотя за окном уже напозднили сумерки, и Сане пришлось перевыставлять свет и добавлять новые отражатели. Все музейные работники разошлись по домам, и только в Белом зале продолжалась работа, да в кабинете директора светились окна.

Кажется, было уже начало седьмого, когда Сольников ска-

зал:

- Ну что же, всё, что я подготовил, отснято. Ещё несколько предметов в хранилище, мы их редко показываем, только на больших выставках, но можно попробовать... если вы не устали, конечно.

Шарлемань фыркнул.

- Может, помочь всё это принести? – спросила Лера.

- Да там немного, я справлюсь!

И он вышел.

Лера села на стул, вытянула ноги и прикрыла глаза. Вот вроде ничего тяжёлого и не делала: землю не копала, вёдра не таскала, полы не мыла, а устала, как савраска.

- Ну ничего, - пробормотала она. – Приду домой, сварю себе десяток пельменей, а потом влезу в горячую ванну, и сразу всё пройдёт. Или постепенно, но всё равно полегчает.

- Пельмени... - прошелестел над ухом вздох великого фотографа, и Лера с трудом удержалась от громкого смеха.

Какое-то время прошло в блаженном ничегонеделании, пока, наконец, Шарлемань не воскликнул:

- Ну и куда он делся? Полчаса уже ждём!

Да, неумолимые цифры на экране айфона показывали, что Сольников отсутствовал тридцать пять минут.

- Сейчас я ему наберу, - Лера успокаивающе помахала в воздухе телефоном. – Антон – человек увлекающийся, задумался там о чём-нибудь и не заметил, как минуты капаят.

Однако номер Сольникова не отвечал.

- Где хранилище, вы знаете? – спросил Шарлемань сварливо.

Судя по его хриплому голосу, он тоже чувствовал себя не лучшим образом.

- Знаю, - кивнула Лера. – Но одна я туда не пойду. Мы сейчас сделаем вот что: я дойду до кабинета директора и позову господина Бахтина. Вот как он скажет, так мы и сделаем.

- Глупости это! Что вашему директору делать на рабочем месте в начале девятого вечера? – буркнул Шарлемань. – Ну что вы встали? Идите, зовите!

Из-под закрытой двери кабинета пробивался свет. Лера постучала и сразу же вошла.

Директора за столом она не увидела, он обнаружился на большом кожаном диване. Сергей Сергеевич дремал, уронив на грудь какую-то книгу в мягкой обложке.

Лера кашлянула, потом сказала:

- Сергей Сергеевич, у нас проблема!

Бахтин открыл глаза, поморгал, и уставился на непрошеную гостью.

- Валерия Михайловна, вы? Что случилось?

Искать пропажу они отправились все вместе, потратив лишь несколько минут на то, чтобы запереть в директорском кабинете дорогостоящую фотоаппаратуру.

Бахтин подёргал за латунную ручку, и тяжёлая железная дверь, ведущая в сокровищницу, легко и беззвучно отворилась.

- Не заперто, - растерянно сказала Лера.

- Вы ему звонили, он на телефон не отвечает? – снова спросил Бахтин.

- Нет, Сергей Сергеевич, не отвечает. Может, там внутри просто сеть не ловит?

- Ловит – ловит, - ответил тот заглядывая в чернильную темноту. – Похоже, тут Сольникова нет, да и что ему делать в хранилище без света? Вот что, вы, молодые люди, стойте здесь, а мы с Карлом Федоровичем пойдём внутрь и посмотрим.

Молодые люди переглянулись.

- Может, я пока сбегаяю к охране и спрошу, не уходил ли Сольников? – предложила Лера.

- А что, в охране у вас исключительно стрельцы, и они не умеют отвечать на телефонные звонки? – ядовито поинтересовался Шарлемань.

- Действительно, Лерочка, позвоните ребятам на пост, - улыбнулся Бахтин. – Вот, держите-ка...

Он шагнул за железную дверь и через секунду вернулся с листом бумаги, на котором были напечатаны всякие нужные и важные сведения. Был там и номер телефона центрального поста охраны музея. Лера вспомнила, что такие листки, вообще-то, висят на каждой двери в служебных помещениях, и опять почувствовала, что краснеет.

«Что сегодня за день такой!» - подумала она с досадой и принялась набирать нужный номер.

- Охрана, - через десяток гудков отозвался вальяжный молодой голос.

- Скажите, Антон Владимирович Сольников не выходил?

- А кто спрашивает?

- Глебова, по поручению Сергея Сергеевича.

- Минутку, проверю.

Минутка растянулась впятеро, но в конце концов тот же голос, ставший несравненно более бодрым, сообщил:

- Ни через один выход Сольников не уходил. Собственно, открыты сейчас боковая дверь, которая к Серебряному пруду ведёт, и главный вход. Остальные заперты, мы десять минут назад проверяли. И на пульте сигнал, что закрыто.

- Понятно, спасибо, - Лера отключилась и уставилась на всё того же Саню, помощника фотографа. - Не выходил.

- Ну, так это же хорошо, - ответил Саня. - Значит, он во дворце. Значит, сейчас найдётся.

Прав оказался Саня, он же Александр Панкратов, ассистент Шарлеманя: Антон Сольников нашёлся. Не сразу, а примерно через час, когда к поискам присоединились двое охранников. Нашёл его фотограф, присевший отдохнуть на балюстраде возле парадной лестницы. «Мягкий стул, полумрак... позволю себе пять минут, чтобы дух перевести, мне всё-таки уже не двадцать и даже не тридцать, и спина разболелась, как назло... - думал он, старательно устраиваясь на стуле, чтобы не побеспокоить спину. - Старею, день порабо-

тал и утомился, тьфу!» Он откинулся на спинку стула, расфокусировал уставший взгляд и растёкся им по ряду горшков с пальмами.

Что-то было не так. Что-то мешало, было лишним в этом чётком ряду, цепляло, оскорбляло его взгляд художника.

Шарлемань с трудом поднялся со стула, сделал несколько шагов к раздражающей детали и, к стыду своему, тоненько взвизгнул. За цветочный горшок, за толстый ствол пальмы было засунуто неловко сложенное тело того, кого они искали – Антона Владимировича Сольникова, хранителя коллекции бронзы.

[1] Энни Лейбовиц: Мастер культовых звездных портретов, снимающая для Vogue.

Хельмут Ньютон: Провокационный стиль, изменивший индустрию моды.

Стив МакКарри: Автор знаменитого портрета «Афганская девочка».

Ирвинг Пенн: гений Vogue, известный минималистичными портретами.

[2] Шарлемань (от фр. Charles le Magne, «Карл Великий», прижилось слитное написание Charlemagne) — традиционная русская транскрипция французского произношения имени Карла Великого (Карл Великий - Карл I; король франков с 768 года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года. Основатель

империи Каролингов,

[3] Phase One XF IQ4 150MP — профессиональная среднеформатная камера, обеспечивающая максимальную детализацию и динамический диапазон. Камера спроектирована для максимальной надежности и обеспечивает непревзойденную четкость для профессиональных фотографов, занимающихся рекламной, студийной или пейзажной съемкой.

Глава 5

«Мраморная лестница была главной парадной лестницей Арсенального каре. Интерьер создан по проекту архитектора Р. И. Кузьмина в 1840-1850-е годы. Главным элементом убранства является декоративная отделка стен, колонн и пилястр цветным искусственным мрамором. В лепном декоре использованы имперские мотивы – многократно повторенные двуглавые орлы с атрибутами государственной власти. Отличительная особенность интерьера – световой фонарь в центре плафона.» С сайта Гатчинского дворца.

Вопль настиг всех в тот момент, когда они вернулись в Белый зал и решили слегка перевести дух.

- Ну не мог же он просто взять и уйти? – с досадой спросил Бахтин. – Или мог? Ну взрослые же все люди, с чего бы такие детские обидки? Погодите-ка, что это? – он воздел указательный палец и прислушался.

- Это мой работодатель, - с досадой ответил Саня. – В прошлый раз он так орал, когда искал лучший ракурс и сверзился со скалы. Потом месяца два лечил всякие повреждения. Пойду посмотрю, что с ним на сей раз... Ей-богу, если опять то же самое, уволюсь к чертям собачьим!

- Пошли вместе, - Лера со вздохом поднялась со стула. – Мало ли что, вдруг помощь нужна.

Застывшую, скорчившуюся фигуру фотографа они уви-

дели сразу. Саня покачал головой, шагнул вперёд и вдруг замер.

- Лера... - сказал он странным сдавленным голосом.

- А? Что там такое?

- Не смотри. Иди-ка, позови вашего директора. Похоже, у нас у всех большие неприятности...

Конечно, она посмотрела и поняла, что там. Саня оценил абсолютно белое лицо, огромные глаза, прикушенную губу... Взял за локоть, оттащил в сторону, почти к золочёным дверям, бормоча при этом:

- Нехватало ещё, чтобы ты с лестницы скатилась... Так, сядь вот тут, на пол. Нет, погоди... - он содрал с себя жилет-разгрузку и бросил на пол, потом усадил сверху Валерию, так, чтобы она не видела балюстраду, пальмы в горшках и, самое главное, то страшное, что было среди этих пальм.

Всё, что происходило дальше, Лера воспринимала словно бы через натянутую мутную плёнку. Она слышала, как Бахтин звонил в полицию, как захлопали двери и зазвучали голоса. Один из этих голосов показался ей странно знакомым, она попыталась стряхнуть это состояние курицы, перед носом которой провели меловую черту, и прислушалась.

Холодный женский голос отдавал распоряжения: осмотреть здание, поторопить патологоанатома и экспертом, где их черти носят?

- Где свидетели? - лязгнул этот голос недовольно совсем рядом.

Лера открыла глаза, присмотрелась...

- Линецкая, вот только тебя мне и не доставало! – прошептала она.

Ну да, перед ней стояла её одноклассница, вечная конкурентка и врагиня, Машка Линецкая. То есть, теперь-то уже, конечно, Мария Вениаминовна. И ничуть она не изменилась за прошедшие полтора десятка лет: те же светло-серые глаза, короткая блондинистая стрижка, подтянутая фигура, тёмные ресницы и брови... «Может, крашенные!» - неизвестно зачем высказался внутренний голос, и Лера мотнула головой, отгоняя эти глупости.

- Та-ак, - проговорила врагиня, придвигаясь совсем близко. – И кто же это у нас тут? Неужто Федотова?

- Давно уже Глебова, - вяло отмахнулась Лера.

- И почему меня совсем не удивляет, что именно ты оказалась на месте преступления?

Лера пожала плечами.

- Может, потому что ты ещё в школе не научилась удивляться? Эмоциональной составляющей не хватило... Маш, не зуди. Ты вообще кто и зачем здесь?

Ей было ясно, что Машка – какая-то полицейская фигура, и, судя по услышанному чуть ранее, именно она и будет руководить расследованием. И в нормальном состоянии Лера, конечно, не стала бы дразнить полицейскую шишку мелкими уколами школьного уровня. Но в том-то и дело, что состояние её никак нельзя было назвать нормальным!

На её счастье, дурацкий разговор прервал Бахтин. Он шагнул вперёд и представился. Мария кивнула в ответ:

- Капитан полиции Линецкая Мария Вениаминовна. Расскажите, пожалуйста, Сергей Сергеевич, что здесь произошло?

Бахтин вздохнул.

- Нам выделили деньги на создание каталогов нашей коллекции.

- Коллекции чего?

- Собственно говоря, у нас их несколько. Историческое оружие, живопись и графика, скульптура, мебель, бронза. Коллекции эти за последнее время изрядно пополнились, многие музеи вернули предметы, которые были им переданы на время восстановления дворца, из хранилищ кое-что привезли, кое-что в подарок получили. Для съёмки пригласили известного фотографа, Карла Фёдоровича Новицкого, вон он сидит, - Бахтин кивнул на Шарлеманя.

- А почему так допоздна задержались, музей ведь работает до шести?

- Музей сегодня вообще закрыт. Съёмка велась весь день, но коллекция мелкой пластики довольно большая...

- Мелкой пластики?

- Скульптура малых форм... всё, что можно поставить на письменный стол или каминную полку. Сюда же относятся часы, барельефы, медальоны...

- Понятно. И как же так получилось, что покойный ока-

зался здесь? – Линецкая кивнула на балюстраду.

- Позвольте, я объясню, - вызвался Саня. – Я помощник Карла Фёдоровича, фотографа, Саша... Александр Беликов. Дело в том, что в какой-то момент мы отсняли всё, что было в залах, и хранитель коллекции сказал, что принесёт из хранилища то, что сейчас не выставлено. И ушёл. И... не вернулся, вот.

- Мы подождали минут двадцать, потом стали ему звонить, но телефон не отвечал, - тихо сказала Лера. – Там в хранилище толстые стены, сигнал может и не ловить. Подождали ещё, потом позвали Сергея Сергеевича и стали искать, куда девался Сольников.

Машка... ой, то есть, Мария Вениаминовна! делала какие-то пометки в блокноте, то и дело вскидывая ледяной взгляд на говорящего. И ещё она то и дело косилась на Леру – не то прикидывала, с какой стороны начать надкусывать, не то не понимала, как с ней обращаться.

Внизу снова захлопали двери, раздались голоса, и Линецкая нахмурилась.

- Так, уважаемые господа. Я прошу вас всех пройти... где здесь можно сесть и подождать?

- В моём кабинете, наверное, - ответил Бахтин. – Вон по тому коридору, через анфиладу и направо, там служебные помещения.

- Очень хорошо. Вот отправляйтесь все в ваш кабинет и подождите меня там. Сержант Байдиев за вами присмотрит,

а я подойду, когда освобожусь.

- А домой мы можем позвонить? – Бахтин покрутил в пальцах телефон. – Как я понимаю, нам придётся задержаться?

- Позвоните, когда я приду. В моём присутствии, понятно? – и Линецкая, круто развернувшись, пошла по лестнице вниз, к вновь прибывшим.

Покачав головой, Бахтин сказал:

- Ну что же... пойдёмте, коллеги, будем ждать в моём кабинете. Молодой человек, вы нас будете... пасти?

Юный сержант, щёки которого полыхали румянцем, только кивнул.

В кабинете Бахтина Лера забила в угол дивана и подобрала под себя ноги. Отчего-то она страшно мёрзла, несмотря на тёплый июльский вечер, и согреться не получалось никак. Не помогла даже подушка, которую она прижала к животу, обхватив руками, а ведь, казалось бы, верное, испытанное средство!

Бахтин покачал головой. Потом вытащил откуда-то из-за шторы потрёпанный плед и укрыл им Леру.

- Простите, его кот мой погрыз почему-то. Но плед чистый! Я из химчистки его забрал, а до дому никак не донесу, всё забываю.

Лера благодарно постучала зубами.

- Чай будете? – спросил у всех хозяин кабинета, и, не до-

жидаясь ответа, налил в чайник воды из пятилитровой бутылки.

«Надо же, какой он, оказывается, сильный, - подумала Лера. – Я бы ни в жизнь такую бутылку одной рукой на весу не удержала!»

Чайник зашумел, засвистел, затуманил паром висящее над ним зеркало. Бахтин вытащил откуда-то картонную коробку и выгрузил из неё несколько чашек с блюдцами и заварочный чайник. «Какой нежный рисунок, - мысли, как и Лера, слегка согрелись, но текли пока ещё медленно и вяло. – Ну не может же он вот так, под столом, держать коробку с гарднеровскими чашками? Или может? Или это уже не Гарднер, а вовсе Кузнецов? Опять я забыла, у кого какого цвета клеймо...».

Чашек хватило на всех, и даже стеснительный сержант Байдиев, как ни отнекивался, тоже получил чай, сахар и сухарь с изюмом. А когда есть сухарь с изюмом, жизнь, знаете ли, уже не кажется такой беспроектной!

Все те, кого собрала в этом кабинете суровая судьба в лице капитана полиции Марии Линецкой, в основном молчали, изредка перекидываясь короткими и совершенно бессмысленными фразами. Было совершенно невозможно обсуждать мёртвое тело, которое вон там, совсем рядом, осматривали эксперты, а говорить о чём-то другом никому и в голову не приходило. Наконец в коридоре раздались шаги, хлопнула дверь тамбура, и Линецкая вошла в кабинет.

- Прошу прощения за задержку, - сказала она таким тоном, что ясно стало: никакого прощения ей не надо.

Мария Вениаминовна чувствует себя абсолютно вправе держать всех без связи с окружающим миром столько, сколько сочтёт нужным.

Бахтин откашлялся.

- Скажите, тело... забрали?

- Да.

- И уже известно, что произошло? Что послужило причиной смерти?

Тёмные глаза Линецкой блеснули.

- Шёлковый шарф, - ответила она.

- То есть?

- То есть вашего коллегу задушили. Конечно, впереди ещё вскрытие, и результаты его будут иметь решающее значение, но Семёныч сказал, что причина смерти ему видится именно такой. Поэтому мне бы хотелось, чтобы каждый из вас написал, где именно находился с восемнадцати часов и по сей момент. Желательно – поминутно. Сергей Сергеевич, у вас ведь найдётся несколько листов бумаги и сколько-то ручек?

Бумага нашлась, и ручки были отысканы в потребном количестве. Сержант раздал их каждому. Лера стянула со стола большой альбом, примостила его на коленях и положила сверху бумагу. «С шести, то есть, с восемнадцати... И где ж я была? То есть, всё время я была в Белом зале, выходила только в туалет. Или нет? Ой, нет, конечно! Мы ж с Шарле-

манем в парке гуляли, а во сколько? И потом, когда Сольников ушёл за следующими экспонатами для съёмки, мы же минут тридцать ждали, прежде чем идти его искать? Или сорок? Ну, не больше сорока...».

Расписание получилось куцее и неубедительное, но уж что есть. Лера надписала в верхнем правом углу свои имя и фамилию, и листок отправился в кучку таких же... неубедительных. Руки снова замёрзли, и она сунула их под плед.

Линецкая быстро просмотрела каждую из бумажек, похмыкала, после чего сообщила:

- Кто хочет, может позвонить домой. Мы задержимся здесь ещё на... тридцать-сорок минут, я полагаю. Сейчас я коротко всех вас опрошусь, и вы сможете идти домой. Где бы нам устроиться для разговора?..

Она огляделась и уставилась на Бахтина. Тот поднял левую бровь.

- Думаю, удобнее всего будет, если вы останетесь здесь, а мы перейдём в приёмную. Там не так много места, но короткое время подождать вполне можно.

- Отлично.

Сотрудники один за другим потянулись в приёмную. Лера сняла с колен плед, аккуратно его сложила и спустила ноги с дивана.

- Федотова, давай с тебя и начнём, - сказала вдруг одноклассница. – Ой, то есть Глебова, конечно. Ты давно замужем?

- Давно, - вяло ответила Лера. – Четырнадцать лет.

- И как?

Что на такой вопрос можно ответить? Хорошо? Плохо? Обычно? Лера пожала плечами.

- Разнообразно.

- Понятно. Ну хорошо, расскажите, пожалуйста, госпожа Глебова, что происходило сегодня в музее.

Рассказ длился недолго. Ну, в самом деле, не говорить же о том, что Шарлемань то и дело Сольникова подкалывал и дразнил, а Сольников обижался и убегал минут на пять? Или о том, что Пашка Крашенинников (поганец!) не отремонтировал скрытые розетки в удобном углу зала, и пришлось тянуть провода освещения в дальний конец, а потом всё время следить, чтобы они не попали в кадр и никто о них не споткнулся? Или о том, что кофе и пирожки из буфета заказывала она, Лера, и оплачивала она, а теперь, пожалуй, никто об этом и не вспомнит?

- Знаешь, Линецкая, ты спрашивай, - сказала Валерия в конце концов. – Я так не умею...

Линецкая потёрла нос.

- Ладно. Скажи, сколько во дворце есть входов-выходов?

- Тебе вообще, или только те, которые открывают в дневное время?

- И так, и так.

- М-м-м... Три? Нет, вообще-то четыре, но четвёртый закрыт. А, и ещё пятый есть!

Тут Линецкая не удержалась и расхохоталась.

- Лерка, давай по порядку! А то я знаю тебя, ты как увлечёшься, так совсем в сторону утечешь.

- Ой, всё! – Лера попыталась надуть губы, но не выдержала и тоже рассмеялась. – Значит, так. Во-первых, главный вход, который через плац. Вы, как я понимаю, через него и входили.

- Точно. Дальше?

- Дальше вход в Арсенальное каре, это со стороны паркового фасада. Его в нерабочие часы закрывают изнутри на замки. Есть вход через Собственный садик, но там запирается и дверь, и калитка в ограде...

- А ключи где?

- Ну... у охраны, наверное. Не знаю, я к ключам отношения не имею!

- Ладно, продолжай, - Линецкая чему-то усмехнулась.

- Дальше, есть вход в Кухонное каре. Сама понимаешь, там продукты подвозили, дрова и потом уголь для кухни, то есть, это был такой как бы чёрный ход, для прислуги. Сейчас эта дверь не открывается...

- Почему?

Лера вздохнула.

- Ты в Чесменской галерее была? Видела, как она пострадала во время войны? Так вот, Кухонное каре почти всё было в таком виде, туда прямое попадание было. И когда его восстанавливали, дверь сделали чисто декоративной.

- Ясно. Это четыре, а ты говорила, что есть пятый вариант.

- Через подземный ход. В принципе, в него можно пройти из парка через грот «Эхо», но я понятия не имею, насколько это получится в реальности. Ой, погоди! – Лера закусила губу. – Должен быть ещё один вход, но я не знаю, где он. Дверца для угля! Вроде бы она должна вести в подвал, но там вотчина технических работников, я и не была ни разу...

- Ну хорошо, предположим, что это так. Давай, последний вопрос, и позовёшь мне Бахтина.

- Давай.

- Ты их всех хорошо знаешь?

- Да как сказать... Всех по-разному. Шарлеманя...

- Кого?

- Ой, тебе не сказали? У фотографа прозвище такое, Карл Великий. Так вот, его я сегодня в первый раз увидела, как и Сашу, помощника. Сольникова знаю довольно давно, ещё с тех времён, когда тут жила. С Бахтиным познакомилась неделю назад, когда приехала к тётушке...

- К Люсеньке? – оживилась Линецкая. – Как она?

Разговор естественным образом съехал на тётушку, потом учителей, на общих знакомых... Минут через десять Линецкая опомнилась.

- Тьфу! Какого лешего ты меня не остановила? Там же ещё люди ждут.

- Пардон, но тут ведь ты командуешь! Как это в кино говорят? «Вопросы здесь задаю я!» - развеселилась Лера. – Лад-

но, не сердись. Всё равно ничего внятного я тебе не скажу. Сидела всё время в Белом зале, даже в туалет после шести часов не выходила...

- А до шести?

- До шести выходила, конечно, я ж живой человек! С Лилькой вместе спустилась, она потом домой ушла, а я вернулась на съёмку.

- Лилька – это кто? – насторожилась Линецкая.

- Экскурсовод Лилия Сиротина. Да ты её знаешь наверняка, она на два года старше нас училась! Такая блондинка симпатичная, она в последних классах розовые пёрышки в волосах себе прорисовывала. Тогда ещё директриса её родителей вызвала, пришёл отец и сказал, что ему абсолютно всё равно, какая у дочери причёска, пока она хорошо учится и ни во что не встывает...

- Не помню, - Линецкая нахмурилась. – Ладно, иди. Завтра ещё поговорим.

- Завтра... Маш, а как же нам работать-то? Придут посетители, а лестница закрыта, и огорожено всё?

- Вот сейчас и буду говорить с вашим Бахтиным, что завтра дворец придётся для посетителей закрыть. Позови его, пожалуйста!

- Ага... - Лера пошла к двери, остановилась и сказала. – Знаешь, я подожду, пожалуй, пока кто-нибудь освободится. Что-то не хочется мне одной через парк идти...

Дождаясь, пока освободится Бахтин, Лера сообразила

проверить, есть ли на завтра заказанные заранее экскурсии. По счастью, их не было, а то пришлось бы созваниваться, извиняться, переносить... Мутная работа, как ни посмотри.

Директора Линецкая допрашивала минут пятнадцать. За это время Шарлемань успел известись сам и извести помощника Сашу. То и дело великий фотограф смотрел на часы, и восклицал:

- Нет, ну как она себе это представляет? Время уже к полуночи, это во сколько ж мы до Питера доберёмся? А завтра, небось, опять потребуют сюда явиться!

Наконец Лере это надоело, и она предложила:

- Если хотите, квартира моих родителей свободна. Можете там переночевать.

Голос её звучал нелюбезно, но Шарлемань так обрадовался предложению, словно ему петушка на палочке подарили.

- Дорогая моя, это прекрасно! Спасибо вам! А они, ваши родители, точно не будут против?

Лера молча помотала головой. Она уже пожалела о сказанном – придётся теперь звонить Люсеньке, предупреждать её, потом говорить с папой и мамой, а потом ещё устраивать неожиданных гостей вместо того, чтобы попросту лечь спать. «Кто меня за язык тянул?» - думала она, разыскивая в сумке мобильник...

Глава 6

«Мне вздумалось сказать Вам, что в шестидесяти верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности...» Из письма Г.Г.Орлова к Жан-Жаку Руссо

Проснулась Лера рано, и причина тому была прозаична, как вчерашние макароны: под окном заводил свой мотоцикл Вадик, местный идеолог байкерского движения. Причём заводил совершенно явно не для того, чтобы куда-то ехать, мотоцикл от этого решительно отказывался. Двухколёсное средство передвижения говорило «Тррррр!», потом выпускало долгий хрип и глохло.

Послушав эти песни несколько минут, Лера тоже тихонько сказала «Тррррр!», встала с кровати и подошла к окну. Ну да, конечно: вот он, родимый, прямо под её окном со своей серенадой. Поискав глазами, она взяла лист бумаги, на котором были распечатаны и затем перечёркнуты какие-то строчки, скомкала и кинула в мотопевца.

Попала, конечно.

Вадик поднял глаза и расплылся в широкой улыбке.

- Звезда моя, как же я тебя давно не видел!

- Балбес, половина восьмого утра, что тебе неймётся в такую рань?

- Да какая ж рань, Леруня, я уже два часа как на ногах! А что, я тебя разбудил?

- Да! И я рассчитываю немедленно лечь и доспать, поэтому уходи сейчас же. А то будет как в прошлый раз, понял?

Он откашлялся.

- Леруня, а что было в прошлый раз?

- Кастрюля ледяной воды на голову, - сурово ответила Лера. – А в этот раз не пожалею для тебя скисший компот, ясно? – компота не было никакого, но помечтать-то можно...

- Понял, умолкаю, - и в подтверждение добрососедских намерений Вадик стал надевать на двухколёсного друга брезентовый чехол.

Лера зевнула и вернулась под одеяло. Увы, сон был спугнут качественно. Она повертелась с боку на бок, потом села в кровати, подпихнула под спину пару подушек и села.

- Ну и ладно, - сказала она сама себе. – раз не дали спать, буду приносить пользу. Во-первых, составлю план на день. Дворец сегодня закрыт, но сотрудники-то придут? Придут. Значит, будут бродить по залам и обсуждать убийство. А поскольку я почти свидетель, работать мне не дадут. С другой стороны, не ходить туда тоже не вариант, Машка вчера особо предупредила, чтобы все были на месте. Зато можно не тащиться ко времени – захотела, пришла в десять, а если нет, так можно и в одиннадцать. Конечно, если так рассуждать, я

могла бы и в принципе не ходить ко времени, я ж не в штате! А вот поди ж ты, за неделю с лишним, что я живу в Гатчине, ни разу не позволила себе опоздать, - она потянулась и зевнула. – Итак, с планом ясно: иду во дворец и делаю, что велят. Пункт второй: надо позвонить Игорю и рассказать, в какую историю я влипла. И родителям, а то про неожиданных гостей в их квартире я вчера сообщила, а вот про убийство не сообщила. Пункт третий: кормить ли Шарлеманя и его Сашу завтраком, или пусть сами пробавляются чем попало? Получается, что кормить, - тут Лера вздохнула, готовить она любила, но строго под вдохновение. – Сделаю оладьи. Быстро, просто, нажористо... - Новый вздох полетел к потолку спальни. – А раз оладьи, значит, надо вставать.

Оладьи получились на заглядение – пышные, румяные, с кусочками яблок.

Лере показалось, что Шарлемань хотел отказаться, но Саша потянул его за рукав к источнику запаха, и великий фотограф подчинился. Ел он, впрочем, весьма и весьма охотно.

Когда на блюде остались только жалкие крошки, и каждый завтракающий получил по второй чашке кофе, истомившаяся Люсенька спросила:

- Ну так что там у вас вчера произошло? Я поняла только, что какой-то несчастный случай, из-за которого вам, Карл Фёдорович, и Александру пришлось задержаться в Гатчине.

Лера переглянулась с Шарлеманем, прикидывая, сколько можно рассказать нежной Люсеньке, чтобы она не разволно-

валась, но простодушный Сашка бухнул как есть.

- Убийство там произошло, Людмила Николаевна.

- Боже мой! – пухлая ручка схватилась за грудь. – Неужели прямо во дворце?

- Ага. На парадной лестнице.

- Боже мой! – повторила Люсенька. – Валерия, ты родителям рассказала?

- Не успела ещё, вчера же поздно освободилась.

- И не рассказывай пока, нечего их волновать. В кои-то веки отец с матерью поехали хоть куда-то, хоть в Москву эту вашу. А сейчас ты наговоришь ужасов, они сорвутся, бросят всё и помчатся деточку спасать.

- Людмила Николаевна, дорогая, да от чего ж Лерочку спасать? – зажурчал гипнотизирующе голос Шарлеманя. – Она ж всё время с нами была, её просто как свидетеля попросили помочь!

Лера поймала взгляд Саши и пошевелила бровями, стараясь указать в сторону двери. Ответная гримаса была не менее выразительной и пылкой, но значительно более заметной, так что Люсенька её усекла моментально. Да и чему ж тут удивляться, если она много-много лет отлавливала шпаргалки своих учеников?

- Тётушка, мы пошли, - Лера поднялась из-за стола. – Посуду сунь в посудомойку, вечером включим, ладно? И лежи, не перетруждай ногу.

- Поучи меня ещё, - беззлобно ответила нежная тётушка,

шлёпнув племянницу по той части, куда дотянулась.

Все трое – великий фотограф, его ученик и взрослая женщина, мать подрастающего сына, - вывалились из дома, словно школьники, хихикая, фыркая и толкаясь.

Увы, веселья хватило ненадолго: уже через несколько шагов Лера остановилась и со вздохом призналась:

- Ужасно не хочется туда идти.

- Понимаю, - Шарлемань сочувственно сжал её локоть.

- Работать, конечно, никто не будет, посетителей сегодня не пустят, - продолжила она ожесточённо. - Наши будут ходить из комнаты в комнату, бегать смотреть на парадную лестницу и... обсуждать Сольникова. И строить версии, одна другой гаже.

- Знаешь... А мы, пожалуй, всё-таки можем и поработать! – предложил вдруг Шарлемань.

- В смысле? До бронзы сейчас не добраться, хранилище закрыто.

- Видишь ли, мы с вашим Бахтиным планировали снимать ещё и коллекцию оружия, а она вообще в другом здании!

Педантичный историк-искусствовед в Лере возопил во всё горло.

- Вообще-то не в другом здании, а в полуциркульной галерее, - возразила она. – Не так далеко от парадной лестницы. Но... могут и разрешить, надо пробовать.

- Вот и славно, - кивнул фотограф. – Тогда я поговорю с полицией, выну из них разрешение на работу в Оружейной

галерее, а потом согласую всё с Бахтиным. Думаю, за пару часов мы управимся, да, Саша?

Помощник молча кивнул.

Кто бы сомневался, что первым, кто встретит Леру во дворце, будет всё тот же вездесущий Пашка.

- Привет! – завопил он всё от того же подножия памятника императору. – Ты где ходишь, мы тебя все уже сто лет ждём!

- А зачем это я вам понадобилась? – холодно ответила Лера, не остановившись на призывы.

- Так ты ж тут вчера была и всё видела!

- Знаешь, Паша, нет у меня никакого желания обсуждать, что я видела. Извини, спешу.

- Ой-ой-ой! – раздалось у неё за спиной. – Выше только звёзды, круче только обрыв!

Но за спиной её уже закрылась тяжёлая входная дверь, надёжно отрезая глупые детские дразнилки.

Прямо скажем, внутри было не легче. Первой вцепилась в локоть Лилечка. В её изящном, лёгком, прямо-таки фейском теле обнаружили неожиданные запасы силы, и выпускать Леру она не собиралась.

- Давай мы с тобой пойдём в твою комнату, ты мне нальёшь кофе и всё расскажешь! – жарко прошептала Лиля прямо в ухо жертвы.

- Лиль, мне нечего рассказывать, правда!

- Ну как же так, ты же вчера тут была и всё видела!

- Да ничего я не видела, - Лера осторожно отцепила паль-

цы хрупкой блондинки. – Была всё время в Белом зале, где съёмку вели. Устала к вечеру ужасно, так что села, где посадили, и сидела там. Вот и всё. А кофе у меня нет, я же на чужом месте сижу, меня временно пустили.

- Ну-у... - Лиля надула губки. – Так нечестно. Ладно, пойду тогда с Павликом поговорю, уж он-то точно всё узнает.

- С Павликом? – не поняла Валерия. – С каким?

- Ой, ты странная какая, ну не с императором же! С Пашей Крашенинниковым, мы, между прочим, пожениться планируем.

- Очень за вас рада, - Валерия ответила механически, потому что внимание её привлекла фигура в дальнем конце коридора, возле гардероба. – Извини, меня, кажутся, зовут.

Фигурой в тёмном, стоящей в тени и неузнаваемой после яркого солнца, оказался один из вчерашних охранников. Тёмная одежда была всего-навсего форменной рубашкой, на которой сверкала белая как сахар табличка с ярко-синими буквами «М. Ремесленников».

- Слушаю вас.

«Господи, а этот ещё откуда взялся? – думала Лера, пытаясь рассмотреть лицо, укрытое тенью. – Чтоб я отличила этих охранников одного от другого... Даже не помню, сколько их было вчера, трое? Или четверо?».

Человек по фамилии Ремесленников тем временем взял её за пуговицу на дорожке шёлковой блузке и потянул ещё глубже в тень.

- Ты с ума сошёл, что ли? Эта блузка стоит как чугунный мост! – освободив блузку, Лера сердито уставилась прямо ему в лицо. – Ну, что тебе?

- Я это... Договориться хочу.

- О чём?

- Ты меня вчера видела!

- Тебя? Ну да, я вчера никого из вас не видела.

- Нет! – охранник затолкал её ещё глубже в тень, совсем уже к запертой двери камеры хранения. – Ты не поняла! Ты. Вчера. Меня. Видела. Понятно?

- Значит, так! Я понятия не имею, кто ты такой, ясно? И перестань меня толкать, тут полиции полно, сейчас заору, тебе мало не покажется! – понятливый молодой человек быстро спрятал руки за спину. – Никого из вас я знаю и не помню. Кто-то из охраны был на месте, но сколько вас там присутствовало, и кто именно – не знаю. И отвяжись от меня, понял?

- Пстой, ну, пстой, пожалуйста! – разумный охранник преградил ей путь, по-прежнему пряча руки за спиной. – Ну ты пойми, прошу, мне вчера отойти надо было, халтурка подвернулась, понимаешь? Что тут четверым мужчинам сторожить, стены? Ребята меня отпустили, договорились, что я к девяти вернусь. Я чуть опоздал, пришёл, а тут такое!!

- Значит, так... - хмуро ответила Лера. – Тебя как зовут?

- Максим...

- Лично о тебе, Максим Ремесленников, я слышу в первый

и, надеюсь, в последний раз. Надейся, что меня о тебе не спросят. А теперь замри.

И, обогнув по широкой дуге замершую фигуру в тёмной форме, она быстро пошла по залам и коридорам в стороны выделенной ей каморки.

Каморка эта отличалась от жилья Папы Карло только тем, что в ней не было нарисованного очага. Зато был небольшой стол, который Лера решила считать письменным, старое компьютерное кресло и стул. Ах да, ещё было окно, и вид из него искупал любые истинные или придуманные недостатки: видно было Серебряный пруд, островок с двумя величественными ивами на нём и дорожку вдоль пруда. Полюбовавшись на пейзаж, она села за стол и взялась вычитывать первый раздел уже законченной диссертации.

Примерно минут через пять раздался стук в дверь, она сразу же приоткрылась, и в узенькую щёлочку просочилась всё та же Лиля.

- Я всё узнала! – авторитетно сообщила она, усаживаясь на стул. – Это были грабители!

- Какие грабители?

- Ну как это – какие? Обыкновенные! То есть, необыкновенные, конечно, потому что полезли не за водкой и не за ювелиркой, а за нашей бронзой.

- Лиль, как они вошли? Двери все были заперты, внизу охранники с обходом...

- Ой, да что те охранники! – Лиля пренебрежительно мах-

нула рукой. – Один вообще свалил по своим делам, другой спал, а Васька с Рамилем в телефонах сидели. А грабители через подземный ход прошли, вот! Открыли дверь хранилища, стали собирать ценности, а тут пришёл Сольников, они его и того... тюкнули по голове.

- Так зачем же они его вытащили на парадную лестницу? – спросила Лера с интересом, смешанным с отвращением.

- Чтобы не мешал ходить по хранилищу! Там между стеллажами места совсем мало, а Сольников большой... был, - договорила Лиля севшим голосом.

Обе замолчали, потому что было совершенно невозможно представить себе высокого и широкоплечего, громогласного, обидчивого и отходчивого Сольникова – мёртвым. Молчание нарушил чей-то пронзительный голос в коридоре, выговаривавший неведомому провинившемуся за все разом грехи и проступки.

- Макарская вопит, - опознала Лиля. – Вот сегодня уж могла бы и помолчать!

- Она не умеет. Наверное, так Зоя Сергеевна выражает скорбь, - предположила Лера. – Откуда ты взяла это вот всё... про грабителей?

- Паша сказал.

- Его же не было вчера во второй половине дня? Вроде он что-то такое говорил...

- Ай, я не в курсе! Ты ж знаешь Павлика, ему всё всегда известно, - Лиля посмотрела на часы и охнула. – Ох ты, надо

мне бежать, пока меня Наталья Фёдоровна нехватила, она сегодня решила тренинг провести для экскурсоводов, раз уж день нерабочий. Всё, пока, увидимся!

И испарилась.

Вздыхнув, Лера оживила экран ноутбука и снова взялась за текст.

Следующая гостя пришла меньше, чем через десять минут и начала с претензий:

- Что это у тебя Сиротина так долго сидела, ей что, делать нечего?

- Ольга Ивановна, вы что-то хотели? – сухо спросила Лера.

Очень она эту даму не любила с давних ещё времён. Ольга Ивановна Хорева работала в Гатчинском дворце в качестве научного специалиста по живописи и рисунку... ну, лет сто, как иногда казалось Лере. Она и в самом деле знала свою тему, любила её, могла часами рассказывать о любом рисунке из коллекции дворца, что не мешало ей оставаться желчной, злющей и очень неприятной. Было Хоревой, наверное, лет шестьдесят, и Лере казалось иногда, что она и родилась в вязаном костюме неопределённо-бурой окраски и деревянных бусах.

- Конечно, хотела! – ответила Хорева, плотно усаживаясь на стул. – Рассказывай давай, что за оргии тут у вас вчера творились?

- Никаких оргий не было, Ольга Ивановна. Пригласили фотографа, снимали бронзу для каталога.

- Да ла-адно! Сольников-то известный, - гостья покрутила в воздухе пальцами, изображая нечто воздушное и зыбкое. – Бонвиван!

Слово это, забытое уже лет сто назад, она произнесла в нос, слегка кокетливо. Лера с трудом удержалась от смеха, так эта манера не вязалась с деревянными бусами, тонкими поджатыми губами и длинным острым носиком, покрашенным на самом кончике. Не рассмеяться было сложно, но необходимо: Хорева была ещё и чудовищно злопамятна. Но совсем уж промолчать Лера тоже не смогла.

- Ольга Ивановна, Сольникова вчера... убили, а вы о нём гадости говорите. Нехорошо!

- Ничего и не гадости, - Хорева ещё больше поджала губы, превратившиеся вовсе уж в ниточку. – А только кто интересуется, тот знает и нынешнюю его пассию, и прошлую, и какой конфликт был с рогатым мужем, вот! - она встала и величественно задрала нос. – Вам, молодому поколению, ничто не интересно!

Если бы каморка запиралась изнутри, Лера бы не преминула отгородиться от коллег поворотом ключа, да вот беда, замок работал только снаружи. И это оказалось истинным бедствием, потому что коллеги потянулись толпой, врозь и парами, всем не терпелось обсудить редкое, ни с чем несравнимое событие.

Почему именно с Валерией Глебовой, бог их знает. Она сама предположила, что дело в её неопределённом статусе.

Вроде бы она и своя, а вроде бы и чужая, а значит, с ней можно безопасно перемыть косточки ближним. Ведь в любом случае, через две недели Глебова вернётся в Питер, ужасная смерть Антона Сольникова забудется, как забывается всё, что ещё вчера волновало и будоражило умы.

Минут через сорок Лера, не сумевшая прочитать ни одной строчки из собственного текста, отключила ноутбук, сунула его в сумку и сбежала. Быстро, ни на кого не глядя она поднялась по парадной лестнице, прошла через Белый зал и дальше по анфиладам и коридорам в сторону директорского кабинета.

Бахтин поднял голову от лежащих перед ним бумаг и посмотрел на Леру.

- Как хорошо, что вы пришли! – он откинулся на спинку кресла и потёр глаза ладонями. – Я собирался вам звонить.

- Да? – осторожно поинтересовалась Лера. – А зачем?

- Вы мне очень нужны!

- Сергей Сергеевич, вообще-то позволю себе напомнить вам, что я здесь не работаю, - шагнув вперёд, она села на стул и сурово посмотрела на директора. – И со съёмкой я помогала исключительно потому, что коварно рассчитывала потом воспользоваться фотографиями для своей собственной диссертации!

- Ваше коварство было так прозрачно, что мы с Карлом Фёдоровичем сразу же его разгадали, - засмеялся Бахтин. – Ещё до начала съёмки. Кстати, он сейчас осматривает Ору-

жейную галерею на предмет продолжения работы. И сообщил, что рассчитывает на вашу помощь. Ну в самом деле, не Хореву же просить!

Лера вспомнила поджатые губы, деревянные бусы и жидкий пучок из крашенных хной волос, и вздохнула.

- Бедная Ольга Ивановна так боится, что вы её выгоните на пенсию, что ни о чём другом думать не способна. Но есть ведь Лиля Сиротина! - вредным голосом сказала она. - Хорошенькая, молоденькая, терпеливая и с прекрасной памятью, почему вы её не используете?

- Почему-то она не понравилась Шарлеманю. То есть, Карлу Фёдоровичу, конечно, - поправился Бахтин. - Думаю, я сумею выкроить из скудных средств музея какие-нибудь копейки на выплату вам по договору. Да я, собственно говоря, уже и договор подготовил! Вот, прошу!

И он жестом фокусника достал из-под приличной стопки бумаг два сколотых листочка.

Лера просмотрела договор, заглянула в пункт об оплате и удовлетворённо кивнула: указанная там сумма была намного больше, чем она рассчитывала. Потом она стала читать текст внимательно, и примерно на третьем пункте споткнулась.

Перечитала. Положила договор на стол и посмотрела на Бахтина.

- Сергей Сергеевич! Это что вообще?

- Где?

- Вот тут, - она ткнула пальцем в зацепившую её строчку.

– Мы с вами ни словом не говорили о том, что я должна буду принимать участие в проведении фестиваля!

Бахтин сделал жалобные глаза, развёл руками, вздохнул... Потом согнал с лица улыбку.

- А что делать, Лерочка? Смерть Сольникова проделала в планах такую дыру, что мне просто деваться некуда. На нём ведь была большая часть подготовки музыкальных вечеров, костюмированного шествия, турнира... Ну ладно, турниром займётся Коля Розов...

- Это кто?

- А вы не знакомы? Это хранитель оружейной коллекции. Ах да, его ж не было, он как раз завтра из отпуска выходит. Так вот, Николай возьмёт на себя турнир, Сольников всё подготовил, нужно будет только провести. Музыкальную часть я попросил взять на себя Георгия Журина, он периодически у нас организует концерты, так что всё ему знакомо. А вот с костюмированным шествием беда, просто беда.

- На какой день оно назначено?

- На пятницу.

- Завтра? – спросила перепуганная Лера. – Не-не-не, ни за что!

- Не завтра, в следующую пятницу. Не волнуйтесь так, Лерочка, ещё целая неделя на подготовку.

- Уф... Ну хорошо, предположим. Давайте поглядим план.

План, составленный покойным Сольниковым, они погля-

дели, поспорили над ним по каждому из одиннадцати пунктов, в пылу спора порвали пополам изучаемый листок и потом, пыхтя и недобро друг на друга глядя, склеивали его липкой лентой.

- Ну хорошо! – повторила Лера, убедившись, что деваться ей некуда. – А сотрудники в курсе, что им придётся надевать и целый день носить костюмы?

- М-м-м... не совсем, - потупился Бахтин.

- Это означает «нет, не в курсе»?

- Сольников обещал, что всех убедит. Вы ж помните, какой он был обаятельный... - директор вздохнул. – Нет, ну что ж за сволочь его убила?

- Хочется верить, что полиция это установит, - сухо ответила Лера. – План я забираю. Аренда костюмов оплачена? Когда их можно посмотреть, чтобы выбрать?

- Да хоть завтра!

- Хорошо. Мне понадобится кто-то в помощь...

- Крашенинников подойдет?

- Ну, если только на безрыбье, - Лера поморщилась. – Паша симпатичный, конечно, но ведь бездельник!

- Подумаем, - Бахтин опять вздохнул. – И с сотрудниками я сам поговорю.

- Неужели и Хореву в кринолин нарядите?

- Боюсь, что такой силой убеждения я не обладаю, но сделаю, что смогу!

И над склеенным листком плана они торжественно пожа-

ли друг другу руки.

Глава 7

«была сооружена великолепная иллюминация длиной сорок сажен», которая сияла три ночи напролет. А в последний праздничный вечер гулявшие в саду гости имели удовольствие наблюдать составленный из изысканных трюков фейерверк с представлением аллегорического плана. Сложные декорации сопровождали праздничное представление, имевшее государственно-политическую тематику и символику. Гости удивляли сменяющие друг друга картины, прославляющие победы России: взятие Хотина в 1769 г., сражения при Ларге и Кагуле, взятие Бендер 1770 г., покорение о. Корфу».

Из описания маскарада и других увеселений в честь императрицы Екатерины II, устроенных графом Г.Г.Орловым летом 1770 года в Гатчине

Бахтин поднял голову от лежащих перед ним бумаг и посмотрел на Леру.

- Как хорошо, что вы пришли! – он откинулся на спинку кресла и потёр глаза ладонями. – Я собирался вам звонить.

- Да? – осторожно поинтересовалась Лера. – А зачем?

- Вы мне очень нужны!

- Сергей Сергеевич, вообще-то позволю себе напомнить

вам, что я здесь не работаю, - шагнув вперёд, она села на стул и сурово посмотрела на директора. – И со съёмкой я помогала исключительно потому, что коварно рассчитывала потом воспользоваться фотографиями для своей собственной диссертации!

- Ваше коварство было так прозрачно, что мы с Карлом Фёдоровичем сразу же его разгадали, - засмеялся Бахтин. – Ещё до начала съёмки. Кстати, он сейчас осматривает Оружейную галерею на предмет продолжения работы. И сообщил, что рассчитывает на вашу помощь. Ну в самом деле, не Хореву же просить!

Лера вспомнила поджатые губы, деревянные бусы и жидкий пучок из крашенных хной волос, и вздохнула.

- Бедная Ольга Ивановна так боится, что вы её выгоните на пенсию, что ни о чём другом думать не способна. Но есть ведь Лиля Сиротина! - вредным голосом сказала она. – Хорошенькая, молоденькая, терпеливая и с прекрасной памятью, почему вы её не используете?

- Почему-то она не понравилась Шарлеманю. То есть, Карлу Фёдоровичу, конечно, - поправился Бахтин. – Думаю, я сумею выкроить из скудных средств музея какие-нибудь копейки на выплату вам по договору. Да я, собственно говоря, уже и договор подготовил! Вот, прошу!

И он жестом фокусника достал из-под приличной стопки бумаг два скелотых листочка.

Лера просмотрела договор, заглянула в пункт об оплате и

удовлетворённо кивнула: указанная там сумма была намного больше, чем она рассчитывала. Потом она стала читать текст внимательно, и примерно на третьем пункте споткнулась.

Перечитала. Положила договор на стол и посмотрела на Бахтина.

- Сергей Сергеевич! Это что вообще?

- Где?

- Вот тут, - она ткнула пальцем в зацепившую её строчку.

- Мы с вами ни словом не говорили о том, что я должна буду принимать участие в проведении фестиваля!

Бахтин сделал жалобные глаза, развёл руками, вздохнул. Потом согнал с лица улыбку.

- А что делать, Лерочка? Смерть Сольникова проделала в планах такую дыру, что мне просто деваться некуда. На нём ведь была большая часть подготовки музыкальных вечеров, костюмированного шествия, турнира. Ну ладно, турниром займётся Коля Розов.

- Это кто?

- А вы не знакомы? Это хранитель оружейной коллекции. Ах да, его ж не было, он как раз завтра из отпуска выходит. Так вот, Николай возьмёт на себя турнир, Сольников всё подготовил, нужно будет только провести. Музыкальную часть я попросил взять на себя Георгия Журина, он периодически у нас организует концерты, так что всё ему знакомо. А вот с костюмированным шествием беда, просто беда.

- На какой день оно назначено?

- На пятницу.

- Завтра? – спросила перепуганная Лера. – Не-не-не, ни за что!

- Не завтра, в следующую пятницу. Не волнуйтесь так, Лерочка, ещё целая неделя на подготовку.

- Уф Ну хорошо, предположим. Давайте поглядим план.

План, составленный покойным Сольниковым, они поглядели, поспорили над ним по каждому из одиннадцати пунктов, в пылу спора порвали пополам изучаемый листок и потом, пыхтя и недобро друг на друга глядя, склеивали его липкой лентой.

- Ну хорошо! – повторила Лера, убедившись, что деваться ей некуда. – А сотрудники в курсе, что им придётся надевать и целый день носить костюмы?

- М-м-м не совсем, - потупился Бахтин.

- Это означает «нет, не в курсе»?

- Сольников обещал, что всех убедит. Вы ж помните, какой он был обаятельный - директор вздохнул. – Нет, ну что ж за сволочь его убила?

- Хочется верить, что полиция это установит, - сухо ответила Лера. – План я забираю. Аренда костюмов оплачена? Когда их можно посмотреть, чтобы выбрать?

- Да хоть завтра!

- Хорошо. Мне понадобится кто-то в помощь

- Крашенинников подойдет?

- Ну, если только совсем на безрыбье, - Лера поморщи-

лась. – Паша симпатичный, конечно, но ведь бездельник!

- Подумаем, - Бахтин опять вздохнул. – И с сотрудниками я сам поговорю.

- Неужели и Хореву в кринолин нарядите?

- Боюсь, что такой силой убеждения я не обладаю, но сделаю, что смогу!

И над склеенным листком плана они торжественно пожали друг другу руки.

Шарлемань, как и сказал Бахтин, был в Оружейной галерее. Ещё издавек, с лестницы, Лера услышала его голос и поразилась: это был гром небесный! Это был гнев Тора (или Одина, опять она забыла, кто из скандинавского пантеона отвечает за грозу), ария какого-нибудь Кончака и рык льва впридачу. Иначе говоря, Шарлемань на кого-то орал, и орал от всей души.

Приостановившись на ступеньке, Лера слушала и восторгалась: ни одного слова из категории обценной лексики произнесено не было, но тот, к кому были обращены слова упрёка, скорее всего, уже рассыпался прахом и засорил паркет Оружейной галереи Ну, то есть, Александр, помощник великого фотографа проделал бы всё это, если бы не был привычен и к громам с молниями, и к прочим проявлениям творческой натуры.

- А! Валерия! Вы очень вовремя! Мне нужен ваш совет! – развернулся на каблуках Шарлемань.

- Слушаю вас, Карл Фёдорович, - вежливо сказала Лера, останавливаясь между двумя развёрнутыми отражателями.

- О! Вот так и стойте! – Шарлемань схватил камеру.

Несколько минут он упоённо щелкал затвором, командуя модели повернуться вправо или приподнять подбородок, или поглядеть вдаль. Наконец, успокоившись, произнёс:

- Можете себе представить, Лерочка, наша сегодняшняя съёмка срывается! Свет ушёл!

- Отчего же? – она взглянула в окно: солнце стояло высоко, да и где оно могло быть в час дня в середине июля?

- Оттого, что все отражатели рассчитаны на Белый зал, - всплеснул руками Шарлемань. – А здесь совершенно другое освещение, цвет стен, размер окон

- М-м-м А полиция дала нам разрешение на работу? – осторожно поинтересовалась Лера.

- Разумеется! Очень вменяемая девушка, эта капитан Линецкая, она выслушала мои доводы и согласилась с тем, что наша деятельность здесь, в Оружейной галерее никак не может повредить проводимому расследованию. Но теперь выясняется, что работать-то и невозможно! Да сами посмотрите! – он как-то хитро повернул отражатель, так что свет упал на пюпитр, застеленный бледно-серой тканью.

На пюпитре лежала пара пистолетов со всем, что полагалось иметь оружию в восемнадцатом веке – серебряные накладки, инкрустации в виде растительного орнамента, воронение, позолота

- Смотрю, - кивнула Лера. – А что не так?

- Да неужели вы не видите? В этом освещении серебро почти сливается с фоном!

Лера помотала головой.

- Карл Федорович, ну это не проблема! Можно использовать другой фон или другой отражатель, разве не так?

- Так мы же их не взяли! Мы же на бронзу рассчитывали!

Молчавший до этого момента Александр тихо зарычал, набрал в грудь воздуха, длинно выдохнул и сказал:

- Я. Сейчас. Съезжу. И всё привезу.

- Кстати, - оживлённо воскликнула Лера, не давая Шарлеманю снова разразиться филиппиками. – Я же тоже собираюсь сейчас в Питер! Можем не гонять две машины, а поехать вместе. Представляете, меня Бахтин отправляет за костюмами к маскараду!

Отчего-то сказанное внезапно примирило Шарлеманя с отсутствием идеальных приспособлений. Он потёр руки:

- О! Замечательно! А я пока в парке поснимаю. Кстати, Лерочка - голос фотографа сделался медоточивым. – А вы не будете возражать, если мы ещё на денёк останемся в вашей квартире?

- Не буду, - покачала головой Лера. – Только имейте в виду, что родители мои к маскараду планировали вернуться

- Нет-нет, мы и не думали оставаться здесь так надолго! – замахал руками Шарлемань. – Завтра, в крайнем случае – послезавтра уедем! А уж на период фестиваля пусть Бахтин

думает, как нас размещать и где.

- Хорошо, договорились, - мысленно Лера посмеялась, потому что примерно представляла себе варианты размещения гостей, которые предложит Сергей Сергеевич

Александр вдруг очень заторопился, потащил Леру скорее из Оружейной галереи во двор, бормоча невнятное о дороге, пробке, возвращении и почему-то необходимости пообедать.

- Да постоит, Саша! – со смехом Валерия высвободила руку. – Мне в любом случае нужно взять у Бахтина координаты, где забирать костюмы, финансовые документы, командировочное удостоверение Так что у вас есть как минимум полчаса, чтобы перекусить. Давайте, я вам позвоню, когда буду готова?

Александр махнул рукой и побрёл куда-то по коридору, глядя в пол.

Глава 8

То ли Лера что-то делала не так, то ли Саша водил суперпрофессионально, но доехали они от Гатчины до Питера чуть ли не вдвое быстрее, чем она добиралась сам. Или это машина у Шарлеманя такая навороченная?

Студия, где планировалось арендовать костюмы, была расположена ужасно неудачно, ровно на противоположном конце города, но и туда долетели как-то невероятно быстро. В дороге помощник фотографа молчал, на фокусы других водителей не реагировал, не включил даже радио, чего Лера ждала с некоторой опаской. Ну в самом деле, вдруг он слушает какой-нибудь «Шансон», и как потом с этим человеком общаться?

В общем, в дороге удалось отдохнуть.

А вот дальше всё пошло через пень-колоду.

Для начала нужно им здание долго искали. Студия арендовала помещение на территории бывшей фабрики, старой, ещё очень сильно дореволюционной. Приземистые кирпичные цеха чередовались с непонятными лабазами, выстроенными чуть ли не из старых дверей, и металлическими ангарами. При этом в нумерации зданий системы вовсе не просматривалось: рядом с одноэтажным корпусом красного кирпича с белой эмалированной табличкой «9» стоял ангар, на котором красовалось написанное зелёной краской «23/12». По-

глядев чуть дальше, на дощатую будку с жёлтым «18а», Лера вздохнула и сказала:

- Надо искать аборигена. Иначе мы это самое строение 4 в жизни не найдём.

- Постой здесь, - ответил Александр сумрачно. – Только не уходи никуда, не хватало ещё тебя потом разыскивать!

Она пожала плечами.

- Стою!

Почему бы и не постоять? Погода хорошая, солнышко греет, можно позагорать. Повернулась лицом к солнцу, закрыла глаза и подставила ему нос. Саша вернулся минут через пять и мотнул головой в сторону «18а».

- За этой будкой направо до пионера-героя, потом налево.

За будкой обнаружилась дорога, внезапно не асфальтированная, а выложенная большими каменными плитами, судя по их виду, лежавшими здесь задолго до строительства Петербурга.

- Что-то я не слышала, чтобы сюда римляне доходили Или они оставшиеся стройматериалы от Аппиевой дороги случайно мимо проносили, да и оставили? - пробормотала Лера, идя следом за своим проводником и из принципа стараясь не наступать на стыки плит. – О, смотри-ка, и вправду пионер-герой! Я таких сто лет не видела!

Выкрашенный серебрянкой пионер стоял, уперев в колено горн, и смотрел на идущих к нему гостей строго и нелюбезно. Под взглядом юного горниста Александр повер-

нул налево, уже не по дороге, а по тропе. На обочине её в остатках высохшей лужи чётко виднелся след копыта. Лера поёжилась. «Куда это нас занесло? Кино здесь снимали, что ли?».

- Ага, ну вот и пришли! – отвлѣк её негромкий голос Саши. – Строение 4, как и было заказано.

Нужное им здание оказалось одноэтажным домом из того же красного кирпича, на фасаде которого красовалось единственное окно и дверь, возле которой была латунная табличка. Три строки на этой табличке были тщательно заклеены пожелтевшей бумагой.

Открывать дверь Лере почему-то не хотелось.

- Интересно, почему государственное учреждение культуры арендует костюмы в таком странном месте? – спросила она, невольно стараясь потянуть время.

Александр посмотрел на неё с лёгкой насмешкой.

- Ты не поняла? Это база киностудии - он назвал имя вполне уважаемой компании. – Они раньше эту территорию использовали для съѐмок, а теперь тут склады и офисы. Вот конкретно тут, - он ткнул пальцем в дверь, - хранят костюмы после съѐмок исторических фильмов. А в во-он том ангаре у них своя химчистка.

На последнем пункте Лера слегка подзависла, потом тряхнула головой и сообразила.

- Ну да, понятно: платье какой-нибудь киношной графини месяца три используют в хвост и в гриву, потеют в нём и

крошки от обеда на него роняют, без химчистки не обойтись никак. Так что, мы идём?

И она решительно шагнула вперёд.

Внутри обнаружился вполне цивилизный офис со светлыми стенами, на которых висели фотографии, дипломы и благодарственные письма в латунных рамочках, деревянной стойкой рецепшен и девушкой за этой стойкой. На белой блузке девушки висел бейджик, перевернувшийся надписью внутрь.

Не говоря ни слова, Лера достала из папки и протянула безымянной брюнетке договор, полученный от Бахтина. Брюнетка так же молча изучила первую страницу, перелистнула на последнюю, просмотрела приколотый к договору список и кивнула.

Александр подошёл к стене с дипломами и прочим, и стал внимательно их разглядывать. Впрочем, это не мешало ему краем глаза видеть всю мизансцену: Леру перед стойкой, девушку с договором в руках - за стойкой, белый занавес за её спиной.

Изучив документ и всё так же не говоря ни слова, брюнетка поднялась и скрылась за занавесом, чтобы почти сразу вернуться, толкая перед собой два средней длины рейла. Выкатив их, она наконец заговорила.

- Вот!

Договор лёг на стойку, а девушка вновь заняла своё место.

К рейлам были прицеплены бумажки с лаконичной надписью «Гтч дворц». Костюмы висели на вешалках, закрытые пластиковыми пакетами, сквозь которые можно было различить разве что цвет, да и то не всегда. Лера неторопливо прошла вдоль каждой стойки, иногда останавливаясь и трогая пальцами шуршащую упаковку. Вернулась к стойке и сказала мягко:

- Боюсь, вы что-то перепутали. Это не наш заказ.

- То есть как? – вскинула брови девица.

- Вот так, - улыбнулась Лера. – У нас было заказано семьдесят платьев в стиле екатерининских времён в размерах от М до XXL и тридцать офицерских мундиров того же времени. А здесь только женское, больших размеров нету вовсе, да и период Вот это, например, - она ловко вытащила белое платье стилия ампир, - наполеоновская эпоха. Но это ладно, кому-то как раз подойдёт, но вот размерный ряд и неполный набор – это нехорошо. Неправильно. И не по договору. Что будем делать?

Девица пожала плечами.

- Понятия не имею. Мне прикатили со склада эти рейлы, моё дело их выдать и расписку получить.

- Тогда у нас с вами патовая ситуация.

Лера начала злиться: в конце концов, она потратила своё личное время на поездку в эту тьмутаракань, а теперь ещё и перед Бахтиным придётся оправдываться? И неизвестно, какие там финансовые последствия повлечёт нарушение до-

говора! Но тут за её спиной раздался голос Александра.

- Вы позволите? – не дожидаясь ответа, он перегнулся через стойку, перевернул бейдж и прочитал имя девицы. – Жанна. Так вот, Жанна, скажите мне, Василий Михайлович Петраченко всё ещё ваш директор?

- Да-а

- Вот и славно, - Саша вытащил из кармана телефон и нашёл нужный номер. – Вася? Привет, это Вальков. Ага, я. Да нет, не пропал, работы много. Ты же знаешь моего Шарлеманя! Ага. Вот именно. Слушай, Василий, ты когда у себя в конторе будешь? Часа через два? Жаль, думал, увидимся. Да, именно здесь, у тебя. Только ерунда какая-то получается, я ж за костюмами приехал, а получить не могу. Что? Через полчаса будешь? Ну отлично, тогда мы тебя ждём.

Отключив телефон, он повернулся к Лере и, не обращая более внимания на раскрывшую рот девицу, предложил:

- Пойдём пока кофе выпьем, тут есть вполне приличная кафешка.

Василий Петраченко оказался старинным приятелем Александра, сокурсником по институту кино и телевидения. Хлопнув друга по плечу, он повернулся к барышне Жанне и спросил сурово:

- Кто заказом занимался?

- Марягин, - хлопнула глазами Жанна.

- Где он?

- Там, - она мотнула головой куда-то в недра ангара.

Петраченко скрылся за белой занавеской, и оттуда раздался рык проснувшегося льва

Через полчаса совершенно удовлетворённые путешественники ехали в центр города. Четыре рейла с костюмами были тщательно проверены, с похвальной осторожностью внесены в грузовик и закреплены. Доставить все эти сокровища обещались назавтра с утра.

Лично Петраченко и пообещал.

- А как ты догадался вызвать этого Василия? Или ты знал, что это его контора? – спросила Лера.

Саша заржал.

- Там всякие дипломы в рамочках вывешены, видела? И в каждом указана фамилия директора! Так что логика простейшая, в один шаг. Ладно, теперь давай заедем к нам в мастерскую, я заберу лампы, отражатели, ткань для фона Шарлемань, пока мы катаемся, прислал ещё список на двадцать пунктов дополнительно необходимых предметов. Вот не может он снимать французские охотничьи ружья восемнадцатого века без сиреневой лампы

Он ворчал, конечно, но делал это как-то так уютно, что Лера незаметно даже для себя самой задремала. Проснулась она от покашливания рядом.

- А? Где?.. О господи, я в первый момент не поняла, где я Ты чего кашляешь?

- Ну, я ж не могу трясти тебя за плечо и орать, как утренний петух! А оставить тебя спать в машине побоялся, мало ли что. Ты со мной сходишь? Это вот здесь, на верхнем этаже, - он кивнул на серый доходный дом, рядом с которым остановил машину. - Только во второй двор пройти надо.

- Пошли, помогу донести, - Лера потёрла глаза ладонями. - Заодно хоть умоюсь, а то никак не могу проснуться окончательно. Там есть кто-нибудь?

- Нет, никого. Шарлемань мастерскую выкупил, ключи только у него и у меня, так что быть там некому. Умывайся, сколько надо.

Мастерская была на девятом этаже восьмиэтажного дома. Лифт поднял их до восьмого, после чего ещё два пролёта лестницы с бетонными ступеньками и без перил, привели к единственной двери – железной, с несколькими хитро расположенными замочными скважинами. Александр вытащил из сумки брякнувшую связку, отпер один замок, второй, потом вставил ключи сразу в две скважины и повернул в разные стороны. Распахнул дверь и жестом пригласил Леру войти.

Никакого коридора, холла, чего-то такого за дверью не оказалось. Она сразу выводила в большой зал, метров пятьдесят, наверное, со множеством окон. В дальнем конце этого зала виднелись несколько дверей. Александр махнул рукой в ту сторону, пробормотал: «Умываться туда» и повернулся к пульту, набрать код.

Лера пошла, куда послали. За первой дверью обнаружилась небольшая, но вполне оборудованная кухня. Во всяком случае, кофеварка тут была роскошная. За следующей – совмещённые туалет и душевая. Не удержавшись (а кто бы удержался?), она заглянула и за остальные две, там обнаружилась небольшая спальня и кладовая, даже склад, со шкафами по стенам и рядом стеллажей. Вернувшись в ванную комнату, Лера порадовалась, что поленилась с утра краситься, и наконец умылась холодной водой.

Серую муть словно раздёрнули перед глазами, легче стало дышать, и она увидела мелкие детали: флакон дорогого одеколона на полочке возле зеркала, мягкие полотенца на полочке, гидромассаж в душевой кабине

«А ничего так тут, вполне можно даже жить, не то, что переночевать, если заработался!», мелькнула у неё мысль.

Александр тем временем что-то искал в кладовке. В середине зала уже стояла пара коробок, два рулона – Лера предположила, что это экраны, - тренога с лапами во все стороны

- Саша! – позвала она. – Тебе помочь?

- Нет, уже всё нашёл, спасибо. Сейчас понесём в машину, да и поедем себе.

- А я помещусь? Что-то уж больно много всего

- Поместишься, конечно, - он вышел из кладовки с ещё одной коробкой. – Думаешь, я просто так именно эту машину покупал? Да в этот багажник можно верблюда поместить, если складывать правильно!

- Шутник, - фыркнула Лера. – Что мне брать?

Всё равно, даже вдвоём им пришлось сделать две ходки, чтобы вынести и погрузить в действительно большой багажник всё то, что затребовал Шарлемань. Наконец мотор мягко заработал, и Александр повернул в сторону Киевского шоссе.

- Саш, - спросила Лера, когда город за окном кончился, и замелькали деревья. – Ты давно фотографией занимаешься?

- Всю жизнь, сколько себя помню.

- А на Новицкого давно работаешь?

- В сентябре будет шесть лет. После института через полгода к нему пришёл разовым ассистентом, потом ещё раз, а потом он предложил остаться.

- А тебе сколько лет?

- Двадцать восемь, а что?

- Ну, так А сам на себя не хочешь работать?

Наверное, с минуту Александр молчал, потом покачал головой.

- Пока не хочу. Понимаешь, за шесть лет работы с Шарлеманем я узнал о фотографии раз в двадцать больше, чем за пять лет в институте. А меня там учили тоже не последние мастера. Пока что мне тут интереснее, чем было бы самому.

- Ясно. Да, это довод

- Да и по деньгам получается хорошо. Иногда даже очень. А уж оборудование у него такое, какого я себе и через десять

лет не смогу позволить!

В машине вновь стало тихо, только радио на грани слышимости мурлыкало какую-то классику. «Двадцать восемь! - думала Лера. – В двадцать восемь я всю пахала на экскурсионное бюро, и если бы не ковид, в жизни бы не решилась уйти на вольные хлеба Хотя что говорить, у меня за спиной каменная стена, у меня Игорь есть. А если бы одна, рискнула бы? Вряд ли. Шарлемань, конечно, глыба. Гигант. Тоже своего рода каменная стена. Даже Линецкая в образе капитана полиции не произвела на него впечатления!»

- Интересно, что удалось раскопать сыщикам? – спросила она вслух. – Завтра ведь придётся дворец открывать для публики.

- Вряд ли очень много. Хотя и твердят в детективах, что первые сутки – самое важное время для расследования, но не факт, что вскрытие уже сделали, что лаборатория выдала результаты, что всех опросили и добились внятных ответов Одни охранники чего стоят!

- Это да.

Они снова замолчали, погрузившись в свои мысли.

Глава 9

В Гатчину они въезжали, когда солнце уже почти скрылось за деревьями.

- Половина девятого, - Лера взглянула на часы. – Ужасно хочется домой.

- Тебя отвезти? Я-то во дворец поеду, Шарлеманю доставлю всю эту байду, - Саша кивнул на заднее сиденье, где была сложена часть оборудования.

- И я с тобой, - она неожиданно зевнула. – Ой, прости. Надо Бахтину отчитаться, проверить, подготовлено ли место для хранения костюмов, примерочные, зеркала Как я во всё это ввязалась?

Такое недоумение прозвучало в этом вопросе, что Саша расхохотался и долго не мог успокоиться.

- Что? Что ты смеёшься?

- Не обижайся, Лер, но ты не одна в этом мире. Посмотри на нас с Шарлеманем: мы ведь приехали в Гатчину на полдня! Небольшой заказ, не слишком денежный, просто он любит сложные задачи.

- А коллекция бронзы – это сложная задача?

- Конечно, - голос Александра прозвучал очень серьёзно. – Конечно, сложная. И у нас всё было рассчитано: два часа на подготовку, два часа на собственно съёмку и час на возможные заковыки. А в результате, как ты видишь, мы остались

на три дня, ввязались в ещё один не слишком денежный заказ И одному богу известно, что будет завтра! Так что, едем во дворец?

- Ага! – и она снова зевнула.

Несмотря на поздний час, Бахтин был в своём кабинете. Лера стукнула в косяк распахнутой настежь двери и вошла. Директор поднял на неё взгляд и удивился.

- Валерия Михайловна, вы что тут делаете?

Она пожала плечами.

- Зашла доложить по костюмам. Привезут завтра ну, обещали утром, значит, я так думаю, часам к двенадцати будут. Костюмерную наши подготовили?

- Всё сделали, не волнуйтесь.

- Да мне-то что волноваться - противореча себе, Лера взяла со стола план проведения фестиваля, тот самый, склеенный, и снова пробежалась по пунктам. – А в гардеробных зеркала есть?

- Всё есть. Идите-ка домой. Или время позднее, может, отправить кого-нибудь вас проводить?

- Да ну, бросьте! Тут идти минут десять, да и не стемнело даже, - она помялась, потом всё-таки сказала. – Знаете что, Сергей Сергеевич, вам тоже нечего тут делать в такое время!

Бахтин усмехнулся.

- Сейчас вот дочитаю статью и пойду. Спокойной ночи, Валерия Михайловна!

Лера шла по парковым дорожкам и ни о чём не думала. В сумерках деревья казались прозрачными, поверхность Серебряного пруда отливала металлом, и было так тихо, что, кажется, можно было расслышать со станции объявления о приходящем поезде.

Что-то тёмное мелькнуло на фоне глади пруда. Лера приоткрылась: собака, что ли? Нет, похоже на человека. Кому тут быть ночью, ворота закрыты, ключи от калитки только у сотрудников. Разве что охранник вышел курить. Холодный ветерок пощекотал за шиворотом, и она ускорила шаги.

«Зря я не согласилась на провожатого!».

Впрочем, на хорошо освещённой улице тени старого парка перестали беспокоить, и Лера стала привычно прикидывать, что ещё сегодня нужно сделать.

Еды она вчера наготовила на три дня: котлеты пожарила, борщ сварила, яблочный пирог испекла, спасла остатки творога, пустив их на сырники. То есть, она-то сама вполне бы обошлась вермишелью с сыром, как часто и делала, когда оставалась дома одна, но Люсеньку надо было кормить. Стоять у плиты тётушке пока было тяжело.

С Игорем она разговаривала утром, а сейчас он уже, наверное, спит, всё-таки три часа разницы по времени. Или четыре? Ребёнок будет звонить завтра, сегодня у них какие-то важные соревнования, а потом праздник.

Погода в ближайшее время портиться не собиралась – ну, во всяком случае, по утверждениям метеорологов, которые, как все знают, надо делить на два. А раз погода не меняется, значит, и одежда на завтра у неё есть.

Это что же, получается, что и делать нечего? Можно забраться под одеяло и почитать что-нибудь бесполезное? Не для диссертации, не для школы Санечке, не по делу, а просто так Или даже не читать, а включить детективный сериал, вот!

Мысль была новой и неожиданной, Лера стала прикидывать, что бы такое ей поискать в сети, уткнулась в телефон и вокруг не смотрела. Поэтому столкновение оказалось неожиданным и болезненным.

- О чччёрт! – простонала она, держась за плечо.

- Смотреть надо, куда идёшь! – ответил знакомый голос.
– Федотова, опять ты!

- Я тебе уже говорила, Линецкая, что давным-давно сменила фамилию.

Смешно сказать, две заклятые подруги столкнулись на дорожке между кустов, на повороте к Лериному дому. Но если Лера, как принято сейчас, смотрела в экран телефона, то капитан Линецкая

- Ну-ка, Маш, дай я на тебя посмотрю, - Лера потянула её за руку ближе к фонарю.

- Отстань! – Линецкая отвернулась и высморкалась в бумажный платок.

- Ревёшь, - уверенно сказала Лера.

- Ну и реву, тебе-то что?

- Да ничего, в общем-то. Пошли ко мне, восполнишь запасы жидкости в организме. О причинах слезоразлива можешь не рассказывать, если не хочешь. Просто посидим за чаем с пирогом.

- А с чем пирог? – Линецкая в последний раз шмыгнула носом и метко забросила мокрый платок в урну.

Мало есть на свете людей, которые на самом деле не любят яблочные пироги. Вот и капитан Линецкая к числу этих странных существ не относилась. Пирог быстро уполовинился, и разговор, за чаем крутившийся вокруг бывших одноклассников, учителей, соседей и вообще жизни, естественным образом съехал на то, что так или иначе волновало обеих: на убийство.

- Ты же знаешь, Гатчина – город тихий, - Линецкая положила в чашку сахар, размешала, отпила и поморщилась. – Я что, два раза сахар насыпала?

- Ага, - улыбнулась Лера.

- А чего ты не сказала?

- Ну я ж не знаю, может, тебе для работы мозгов нужно пить сироп вместо чая! Мне не жалко, пей, могу ещё варенья добавить.

- Тьфу на тебя, Федотова! Даже если Глебова, всё равно тьфу, - Мария долила чашку кипятком до краёв и снова по-

пробовала. – Ну вот, уже лучше. Буду как те писцы за ужином у господина Кокнара[1], только они вино доливали до бледно-розового, а я буду чай разбавлять. Так вот, я говорю – Гатчина город тихий. Конечно, бывали тут у нас и убийства, но такие... домашние. Один алкаш другого бутылкой по слабой головушке стукнул, или жена мужа сковородкой.

- Бытовые, - кивнула Лера.

- Именно. А тут во дворце, да в нерабочий день, да со знаменитым фотографом. Потапыч еле-еле местных акул пера на сворке удерживает, но ещё день-два, и всё будет...

- В газетах? Да кому они нужны!

- Если бы в газетах, а то в блогах.

- Линецкая, ты что-то путаешь. Блогера ничто, кроме собственной смерти, удержать не сможет. Всё равно извернётся и будет рассказывать о похоронах.

- Не знает пока никто, - сказала Мария неохотно. – Ну, почти никто. Ты вот тётушке своей рассказала?

- Да при чём тут моя тётушка? Сколько народу во дворце работает? Вот то-то! И все в курсе, понимаешь? Так что нет никакой сворки, уверена, что уже кто-нибудь написал, просто ваша пресс-служба просмотрела. А завтра это будет поток. Девятый вал. Смочет к той самой матери и Потапыча вашего, и тебя вместе с ним. Кстати, а ты чего ревела-то?

- Да того и ревела, - ответила Линецкая сердито. – По выслуге и прочему я год назад должна была майора получить, и должность была свободна. Ну как же, я же женщина, разве

ж можно меня назначить замначальника убойного отдела? Никак нельзя. Вот как раз сегодня мне сообщили, что, если это дело я раскрою быстро и чисто, представление на звание отправят сразу. И должность для меня освободят, видите ли... в пресс-службе! Я, понимаете ли, выгляжу достойно и держаться умею как надо. Вот надо оно мне, из убойного в пресс-службу переходить? Оттуда же не вырвешься, только на пенсию. А! – и она махнула рукой.

- Ты конечностями маши поосторожнее, у нас тут не так много кружек и чашек. Давай решать проблемы по мере их поступления. От пресс-службы ты же можешь отказаться? Ну вот. Значит, надо раскрыть преступление и получить майорское звание, а дальше видно будет. Согласна?

- Согласна.

- Пирога ещё хочешь?

- Давай. Ой, погоди, а Люсеньке-то? Она вообще где?

- У соседки, там по четвергам собирается компания для преферанса, - Лера отпахала солидный кусок пирога и положила его Марии на тарелку. – Ты сегодня обедала вообще? Может, тебе борща налить?

- Да ну, я уже сладкого наелась. Спасибо в смысле. А ты чего играть не пошла?

- Во-первых, я в преферансе даже не ноль, а отрицательная величина. Во-вторых, я ж только вернулась. Мы с помощником Шарлеманя, ну, Карла Новицкого, в Питер ездили.

- Зачем?

- Он за какими-то прибабасами для фотографирования – ну, там отражатели, лампы, ещё что-то... А меня Бахтин попросил проконтролировать костюмы для маскарада.

Линецкая застонала и схватилась за голову.

- Боже ж ты мой, ещё маскарад этот! Когда он?

- Через неделю, в следующую пятницу. Но фестиваль открывается в ближайший вторник, и народу будет много. Ну, если погода не испортится.

- И о нормальном ходе расследования можно будет забыть...

- Да с чего бы это? Осмотреть вы ведь уже всё осмотрели, так? Всякие там следы, эксперты, отпечатки пальцев, ног, ушей...

- Уши-то при чём?

- А, не обращай внимания, - отмахнулась Лера. – Это я какой-то детектив смотрела, там отпечаток уха разоблачает негодяя. Я не о том! Раз всё осмотрели, значит, Парадная лестница и галерея над ней уже не нужны. Тем более, что основные события фестиваля будут проходить в парке, а не во дворце, а в парке, слава богу, никаких преступлений не случилось в последнее время. Так что нужно просто разговаривать и рассуждать. И опять разговаривать. Вот смотри: день был выходной, и даже те сотрудники, которые на работу выходили, ушли довольное рано. Лично я видела... шесть человек? Нет, восемь!

- Давай я записывать буду, - Линецкая вытащила из рюкзака блокнот и сумку.

- Значит, Шарлемань и его помощник Александр – два, - Лера принялась загибать пальцы. – Бахтин – три. Покойный Сольников – четыре.

- И ты сама – пять. И всё!

- Не-а! Себя-то я не считала, я же знаю, что никого не убивала. Но ты учти, что я пришла во дворец не в шесть, когда все уже расходились, а в десять. Ну ладно, в половине одиннадцатого

Линецкая перелистнула пару страниц в блокноте и с самым ехидным выражением лица прочла: «Глебова пришла уже почти в двенадцать, народ давно на месте был, а кое-кто и уходить собрался».

- Ладно, пусть даже и в двенадцать, ради бога, - Лера пожала плечами и на автомате отрезала по куску пирога себе и Марии. – Мы же не это обсуждаем! Значит, помимо всех названных... охранников мы не считаем? Днём их шесть штук, но я видела только двоих на главном входе, остальные рассредоточены по территории. В парадном дворе, возле памятника Павлу первому, болтался Крашенинников. Не знаю, почему он всё время крутится возле своего царственного тёзки, словно там клад закопан. Потом встретила Хвоцину, это лектор, экскурсовода Лилию Сиротину, трёх смотрителей залов, их фамилии я даже и не знала никогда, и Мишу Долгалёва, он научный работник и тоже лектор. Вообще в выход-

ные экскурсоводы обычно не приходят, если они не совмещают экскурсии с научной работой. Лилька не совмещает, это точно.

- Слушай, но это же тьма народу! Никаки е не восемь, а если хорошо посчитать, так и все восемнадцать получатся!

- Не получится. Потому что к шести вечера, кроме первых четырёх названных, остались только охранники, ночная смена. Четверо. Вот тебе и восемь, плюс я.

- Плюс убийца, - мрачно ответила Линецкая.

- Или минус.

- Или минус...

Увлёкшись разговором, спорщицы не заметили, что в дверях вот уже некоторое время стоит Люсенька.

Наконец, в пылу спора взмахнув рукой, Мария смахнула на пол чашку. Поймала её уже почти у самого пола, выдохнула и с преувеличенной осторожностью вернула на стол.

- Bravo- bravo! – Люсенька, прихрамывая, вошла в кухню. – Ты это красиво сделала, Маша.

- Да ну, - Линецкая чуть покраснела. – Я ваше место заняла, да?

- Прости пожалуйста, просто я там уже приспособилась сидеть так, чтобы ногу не тревожить, - Люсенька благодарно улыбнулась вскочившей Марии, села, чуть поёрзала и со вздохом положила ногу на подставленный Лерой пуфик. – Девочки, я немножко подслушала ваш разговор...

- Ну ты ж понимаешь, ни о чём другом разговаривать

невозможно! – Лера пожала плечами.

- Почему же! Вот только что в течение двух часов мы говорили исключительно о преферансе. Но я не о том хотела сказать! Машенька, а вы все входы во дворец осмотрели?

- Конечно! Главный вход можно не считать, там и охранники, и камеры стоят. Дальше, вход со стороны парка на ночь закрыт, в этом мы удостоверились. Вход через Собственный садик[2] заперт даже дважды, дверь и ворота. Подземный ход, по словам директора, открыт только со стороны дворца, а от грота «Эхо»[3] закрыто уже несколько лет. Дверь в Кухонное каре на ночь закрыли, мы проверили – заперто на ключ, и щеколда задвинута. Всё осмотрено, Людмила Николаевна!

Люсенька покачала головой.

- Маша, скажи мне, как ты думаешь, уголь и дрова для отопления во дворец как попадали?

- Дрова? Ну-у... Через Кухонное каре, я так думаю. Там же свой отдельный вход, через него продукты привозили. Нет?

- Нет. В любом приличном доме был дровник и угольный подвал. Ну, или хотя бы что-то одно. Туда можно было попасть со стороны жилой части, но сгружали всё это через отдельный люк.

- А из дома вход где?

- Вот этого я не знаю, - развела руками Люсенька. – Но уверена, что во дворце есть человек, которому это известно.

- Сиротин, вот кого надо спросить! – вспомнила вдруг Лера.

- Это кто? – Мария нахмурилась. – Мы допрашивали Лилию Сиротину, экскурсовода.

- А Михаил Иванович – её прадед. Он во дворце проработал всю жизнь, а ему уже под девяносто.

- И он... нормально всё помнит?

- Ты имеешь в виду, в своём ли он уме? – сухо поинтересовалась Люсенька. – Я с Михаилом Ивановичем разговаривала дня три назад, был в своём. Но вы, молодые, считаете, что все, кому больше пятидесяти – выжившие из ума старые развалины. Валерия, я устала и иду спать. Не забудь помыть посуду.

И тётушка удалилась, не забывая прихрамывать.

- Вот чёрт, - обескураженно произнесла Линецкая. – Она на меня обиделась, да?

Лера пожала плечами.

[1] «Молодые люди долили стаканы водой, потом, выпив по полстакана, снова долили их, и так до конца обеда, когда цвет напитка, который они глотали, вместо рубина стал напоминать дымчатый топаз» Александр Дюма, «Три мушкетёра»

[2] Собственный садик — памятник архитектуры. Расположен в Гатчине, у северного фасада Гатчинского дворца. Примыкает к Арсенальному каре и Часовой башне, создан

для прогулок императорской семьи. Угол сада сделан в виде балкона на высокой подпорной стене, с балюстрадой из пудостского известняка и видом на Карпин пруд и парк в целом. Сюда выходили окна личных комнат императора Павла I. В 1794 году для спуска в сад между Часовой башней и выступом бокового крыла дворца была сделана терраса с двумя гранитными лестницами.

[3] Грот «Эхо» с подземным ходом находится на берегу Серебряного озера в Дворцовом парке. Подземный ход соединяет грот с подвалами Большого Гатчинского дворца. Подземная галерея является единственным подобным объектом среди всех дворцово-парковых ансамблей пригородов Санкт-Петербурга. Весь комплекс создан в 1770-х годах архитектором А. Ринальди одновременно со строительством дворца для тогдашнего хозяина Гатчины князя Г. Г. Орлова

Глава 10

«Лунный переплет на паркете теперь несколько сузился и падал вкось. У окна же спиной к нему стояла четким силуэтом небольшая человеческая фигура. На светлом фоне окна человек казался совершенно черным, и только кое-где лунное сияние тронуло ярко-белыми чертами и пятнами края его одежды, лица и треугольной шляпы.

Комиссар не мог не узнать в нем императора Павла, чей бронзовый памятник он видел на дворцовой площади ежедневно по десяти раз». А.И. Куприн «Гатчинский призрак»

Удивительно, но костюмы привезли вовремя. Лера, сурово сдвинув брови, пересчитала вешалки на рейлах, проверила выборочно несколько платьев – всё было в порядке. Цело, вычищено, выстирано, отглажено... На изнанке одного из платьев сохранился ярлычок с именем и фамилией известной актрисы, и Лера вспомнила: ну точно, в этом самом платье она играла в историческом фильме. Совсем неплохой был фильм...

- Ну что, Валерия Михайловна, всё нормально? – нетерпеливо спросил у неё экспедитор и протянул бумагу. – Тогда расписывайтесь, да мы поехали!

Лера очнулась, взяла документ и внимательно его прочитала документ. Кивнула и размашисто расписалась. Экспедитор испарился, и она осталась возле закрытого на лето гар-

дероба с четырьмя рейлами, увешанными тяжёлыми платьями.

Две молоденькие девушки, со смехом сбегавшие по лестнице, затормозили возле этого богатства.

- Ой, это что? – спросила одна, невысокая хрупкая блондинка. – Это на маскарад, да? А напрокат будете давать?

- Если останется, - улыбнулась Лера.

- А давайте вы нас запишете! – воскликнула вторая, рослая брюнетка. – Мы готовы даже аванс оставить, очень хочется настоящее платье!

- Аванс... нет-нет, не надо! – Лера замотала головой; вот ещё с деньгами связываться ей не хватало! — Вот вам листочек, напишите свои имена и номера телефонов.

Девушки убежали, и Лера достала телефон.

- Сергей Сергеевич? Это Глебова. Мне нужна помощь...

Через несколько минут закипела деятельность: Бахтин командовал, а Пашка Крашенинников с незнакомым Лере мужчиной трудолюбиво закатывали рейлы в раздевалку персонала, по летнему времени тоже неработающую. Много времени это не заняло. Пашка отправился на перекур с видом человека, тяжело и плодотворно поработавшего, а Бахтин подошёл к Лере вместе с незнакомцем, и сказал:

- Валерия Михайловна, вот, познакомьтесь: Николай Александрович Розов, хранитель оружейной коллекции. Николай, а это госпожа Глебова, которая согласилась взять на себя подготовку к маскараду.

Розов оказался высоким и широкоплечим, с бритой наголо головой и настолько неприветливым лицом, что Лера слегка удивилась.

«Что это он так смотрит, будто я ему в кофе плюнула? Или сам хотел маскарадом заниматься? Не верю, не похож он на человека, умеющего искренне веселиться! Ну и пожалуйста, не больно-то и хотелось».

Она холодно кивнула оружейнику и повернулась к Бахтину.

- Сергей Сергеевич, я сегодня уеду в Питер и вернусь только завтра вечером. Было бы хорошо, если бы в понедельник все сотрудники, кто будет участвовать в маскараде, выбрали и померили костюмы.

- Напишите им во внутренней сети, - посоветовал Бахтин.
- Я вам пришлю ссылку.

Через пару часов Лера ехала по практически пустой дороге в сторону Пулково: на выходные прилетал Игорь, и она обещала его встретить. Соскучилась она по любимому мужу ужасно. И по сыну соскучилась, настолько, что вчера в разговоре даже поинтересовалась, не желает ли деточка уже смыться из лагеря. Сын пришёл в ужас от одного только предположения, поэтому Лера сделала вывод, что ему там, как минимум, интересно. Ну и кормят, наверное, прилично, потому что поесть Саня любил.

Поздним вечером за ужином Лера рассказала мужу о по-

следних событиях в Гатчине.

Нет, не так: пока Игорь был в командировке, они созванивались каждый день. Разумеется, умолчать о произошедшем практически у неё на глазах убийстве она бы не смогла.

Никто бы не смог!

Поэтому рассказывала обо всём, но постаралась смягчить. Просто ещё одно событие в ряду других, не больше и не меньше. Тётушкина травма, работа во дворце, съёмка с великим фотографом, исчезновение Сольникова, найденное тело, встреча с одноклассницей, костюмы для маскарада... Похоже, получилось не слишком убедительно, или же она так и не научилась врать мужу, особенно лицом к лицу. Именно эта мысль мелькнула у Леры, когда посредине вдохновенного и увлекательного, как ей казалось, рассказа о Шарлемане Игорь перебил её и сказал:

- Мне кажется, тебе стоило бы вернуться домой. Я бы не хотел, чтобы моя жена находилась там, где произошло убийство.

Лера хмыкнула.

- Поверь, твоя жена тоже прекрасно обошлась бы без этого. Расследование интересно только в сериале, желательно – английском. Домики, садики, деревья, розы, конкурсы на самую большую тыкву...

- Лера!

- А?

- Не заговаривай мне зубы!

- М-м-м... Почему?

- Возвращайся домой. Пожалуйста!

Вздыхнув, она ответила уже серьёзно.

- Не могу. Поверь, это не по глупости и не для того, чтобы тебе противоречить.

- Я так и не думал никогда, - пожал он плечами. – Правда, уверен был, что ты и сама догадаешься, что из Гатчины лучше уехать. Так в чём же дело?

- Во-первых, Люсенька. Да, ей стало лучше, она почти не хромает, но на улицу выходить боится...

- Там же есть её подруги, кто-то из- них даже в соседней квартире!

- Есть. Мария Вениаминовна и Елизавета Павловна. Одна Люсеньки старше на четыре года, другая на девять. Сам понимаешь, я не могу их просить покупать для неё продукты, готовить или убирать квартиру.

- Кого-то нанять? Хотя о чём я, Люсенька чужого человека в дом не пустит... - Игорь покачал головой. – А как она обходилась до твоего приезда?

- Она и сама вполне дееспособна, просто сейчас выходить опасается. Да и потом, родители-то мои были рядом! А тут они уехали и задержались, и вернутся только в этот четверг.

- Лерка, я за тебя боюсь!

- Драгоценный мой, я тебе клянусь: я не задерживаюсь допоздна, не хожу вечерами по тёмным улицам... Единственный раз был – вчера, да, я поздно возвращалась, но меня

проводили! И ещё одно обстоятельство: я обещала Бахтину помощь в проведении маскарада.

- Ерунда! В такой ситуации...

- И договор подписала, - договорила Лера. – Если обо мне будут говорить, что я не выполняю условий договора, кто станет давать мне работу?

По сдвинувшимся бровям и напрягшимся скулам мужа она поняла, что сказала это зря.

Ой, зря!

Игорь постучал пальцами по столу, потом взял телефон и ушёл в комнату. Лера посидела, пытаясь прислушиваться, но двери были сделаны на совесть, и любопытство осталось неудовлетворённым.

- Ладно, - вздохнула она и начала убирать со стола. – Но я и в самом деле не могу бросить Люсеньку одну!

Сунула в холодильник остатки, помыла посуду, вскипятила чайник, заварила, расставила чашки, насыпала в вазочку конфеты...

- Да где же он?

Со вздохом развернула «Северную Аврору» и сунула в рот.

Наконец Игорь вернулся на кухню, с широкой улыбкой сел за стол и спросил:

- А лимон к чаю есть?

Минут через пять Лера не выдержала.

- Немедленно прекрати!

- Что именно?

- Прекрати быть таким довольно-загадочным! Кому ты звонил и о чём договаривался?

- Ничего от тебя не скроешь... - усмехнулся муж. – Звонил Мише Кострову, договаривался, чтобы он меня заменил на ближайшую неделю. Потом говорил с начальством, согласовывал отпуск по семейным обстоятельствам.

- Согласовал?

- Конечно.

- И?

- И всю следующую неделю я проведу в родной Гатчине, буду присматривать, чтобы моя чрезмерно увлекающаяся жена не попала ещё в какую-нибудь переделку.

Что могла на это ответить Лера? Только устроиться у мужа на коленях и крепко поцеловать.

В воскресенье к вечеру ехать из Питера за город легко и приятно: все остальные тащатся в нескончаемом потоке, медленно и печально, словно катафалки, и смотрят на летящие навстречу редкие машины, словно на злейших врагов. Спасибо, что пальцем у виска не крутят.

Один вопрос Леру очень волновал – ну, один, помимо всех прочих, но ответ на этот можно было выяснить прямо сейчас. И она решилась, когда из города машина выбралась, за окном замелькали рощи и перелески, а воздух стал ощутимо другим.

- Игорь?

- А?

- Всё-таки скажи, что тебе сказало начальство, помимо того, что дало разрешение на недельный отпуск?

Муж молчал долго, целых три километра – Лера зачем-то считала столбики. Потом неохотно ответил.

- Николай Миронович поставил условием, что я беру на себя следующие пять долгих командировок.

- Ты согласился?

- А что, были другие варианты?

Теперь настала очередь Леры молчать и подбирать ответ, пока откатывались назад километровые столбики.

- Спасибо, - произнесла она наконец. – На самом деле там было иногда очень страшно. Правда.

- Расскажи-ка ещё раз всю историю с самого начала, - велел Игорь. – Значит, фотографировали юронзовые финтифлюшки.

- Это довольно крупные предметы вообще-то! – обиделась вдруг Лера. – Каминные часы больше девяти килограммов весят!

- Финтифлюхи, - послушно исправился Игорь. – Финтифлюшищи! Дальше рассказывай!

- Где-то в начале седьмого, рабочий день уже закончился, всё, что было в зале, Шарлемань отснял...

Она послушно рассказывала, муж иногда кое-что уточнял, кивал головой. Досказав до точки, а именно – до выска-

занного Люсенькой предложения поискать ещё один вход, Лера замолкла.

Игорь хмыкнул и сказал:

- Хорошо, если один... Но в общем-то понятно, что кроме вас пятерых и охраны в замке был кто-то ещё. Более того, я бы предположил, что этот «кто-то» там бывает периодически постоянно и ориентируется уж точно лучше директора. Бахтин ведь не так давно в музее?

- Года три... Да Гатчинский дворец и музеем-то стал в середине восьмидесятых, а до этого там было конструкторское бюро и ещё что-то. Публику только в парк и пускали, да и то не на всю территорию.

- А кто был директором до Бахтина?

Лера нахмурилась.

- Знаешь, не помню. Всем известна Аделаида Сергеевна Ёлкина, которая была главным хранителем тридцать лет, до девяносто восьмого года, а так... Нет, не помню. Люсенька посоветовала поговорить с Сиротиным, это...

- Михаил Иванович? Точно! Он лет пятьдесят всей хозяйственной частью во дворце заведовал, при нём и восстанавливать всерьёз начали, и часы пустили.

- Вот Линецкая и собралась его найти и поговорить. Если, конечно, он согласится.

- Ты имеешь в виду, если его Альцгеймер не догнал? – Игорь покачал головой. – Не должен бы. От таких людей, как Сиротин, любой Альцгеймер сбежит, теряя тапки.

- Узнаем, - пожала плечами Лера.

- Узнаем, - согласился с ней муж.

Мария Линецкая, капитан полиции, сидела на кухне квартиры Михаила Ивановича Сиротина и пила чай с пряниками.

Да, в воскресенье вечером.

А почему, собственно, нет? Михаил Иванович жил один, помощница по хозяйству приходила два раза в неделю, остальное время он занимался тем, чем хотел. Писал мемуары и получал от этого истинное удовольствие.

Линецкая формально была замужем, вот только муж её уже года полтора как уехал работать в Екатеринбург, и возвращаться, похоже, не планировал. Да и неразумно это было бы: в Екатеринбург он уехал потому, что там предложили повышение в звании и должности. Ему предложили, а Марии нет, поэтому они решили, что пока поживут так, а там видно будет.

Довольно скоро и в самом деле стало видно: жить по отдельности проще и приятнее чем вместе. А тогда зачем? Мария выдохнула и убрала в дальний ящик флешку со свадебными фотографиями. Квартира и фамилия у неё были и остались свои собственные.

Так что никто не мог помешать капитану Линецкой пить чай воскресным вечером в квартире постороннего мужчины. Чай был хозяйский, пряники она принесла с собой по совету Люсенки, которую то и дело вспоминала с восхищением.

Михаил Иванович рассказывал ей о дворце, о том, как после войны восстанавливали его практически из руин, как собирали драгоценный паркет, по вещичке свозили мебель, возвращали из хранилищ и из других музеев картины, бронзу, оружие... Это было так интересно, что Мария чуть не забыла о важном вопросе: о скрытых выходах из дворца. И не вспомнила бы, но хозяин дома не досказал очередную историю, помолчал пару мгновений и спросил:

- Вы ведь, Мария Кирилловна, не для того пришли, чтобы слушать стариковские байки? Вы пришли, чтобы найти ответ на вопрос, так задайте его.

- Да, вы правы, Михаил Иванович, - Линецкая задумчиво покрутила в руках чашку и аккуратно поставила её на блюдечко. – Вы, вероятно, знаете, что во дворце произошло убийство?

- Разумеется, - Михаил Иванович усмехнулся. – Об этом даже воробьи во дворе чирикают! Правда, без подробностей...

- А подробности я вам сейчас расскажу...

Рассказ получился не слишком долгий, но ёмкий. Когда Линецкая закончила, Михаил Иванович встал, подошёл к окну, за которым царили июльские сумерки, послушал, как во дворе перекликаются мальчишки, и вздохнул.

- Конечно, есть ещё входы, Людмила Николаевна совершенно права. Во-первых, угольный подвал...

Капитан Линецкая уходила от старого музейщика совсем

поздно. В её блокноте была, среди всего прочего, схема непарадных входов Гатчинского дворца, тех, о которых господам знать не полагалось. А ещё были некоторые догадки и подозрения, которые нужно было завтра же проверить.

Начать проверять.

Глава 11

«Июля 22, по утру в 9 часов, Ея Величество изволила выйти из покоев и со всеми персонами прогуливаться по увеселительным около той мызы <Гатчины> местам, при том смотреть новостроимого каменного дома, от которого проходила берегом подле той мызы лежащего озера, называемого Белое, и по оному прогуливалась несколько в маленьком ботике; потом возвратилась обратно в покои, изволила кушать обеденное кушанье в поставленной пред теми покоями своей ставке, а в 5 часов пополудни, иметь выход, в таратайках, для прогуливания от мызы до 8 верст и в проезд, для увеселения, продолжалась соколя охота.» Выписка из камер-фурьерского журнала за 1766 год.

На утреннем совещании в понедельник капитан Линецкая впервые должна была докладывать по расследованию. С одной стороны, она, конечно, волновалась: с момента первого убийства прошла неделя, реальных подозреваемых у неё нет – а реальными её непосредственный начальник майор Березин считал только тех, кого можно задержать и допросить, и непременно с доказательствами. В начале осени Березина ждало повышение и перевод, и, если Линецкая вытянет это дело, у неё хорошие шансы занять его место.

С другой стороны, она знала, что сведения, полученные вчера от Сиротина – это прорыв. И этим прорывом она на-

меревалась воспользоваться.

За всё время, что она говорила, майор ни разу её не перебил, и это точно было хорошим признаком. Больше того, сослуживцы, что сидели возле длинного стола в комнате для совещаний, тоже перестали шуметь, перешептываться, с шуршанием перелистывать бумаги в своих собственных папках. Слушали, значит.

Линецкая договорила, и начальник отдела уголовного розыска кивнул.

- Задержитесь потом, капитан. Так, теперь Иванцов, что у тебя?

Серёжа Иванцов, занимавшийся серией магазинных краж, встал и начал говорить. Мария откинулась на спинку стула и стала заново перебирать все факты, только что прозвучавшие.

Место преступления – хранилище бронзы, эксперты обнаружили следы.

Способ убийства – удушение.

Время – между половиной восьмого вечера, когда убитого в последний раз видели свидетели, и девятью, когда тело было обнаружено.

Преступник – мужчина, потому что крупного и высокого Сольникова женщина не могла бы перетащить из хранилища бронзы на парадную лестницу. Мужчина достаточно молодой и сильный.

Орудие преступления – неширокий кожаный ремень ры-

жего или коричневого цвета, простёганный коричневыми нитками. Опять-таки эксперты обнаружили следы на теле убитого, спасибо им.

Судя по странгуляционной борозде, в момент, когда на шею Сольникову набросили петлю, он сидел на корточках. Тянули вверх, рост Сольникова – сто восемьдесят восемь сантиметров, если бы он стоял, то в преступнике должно было бы быть два метра с большим хвостом.

Официально на время смерти в здании дворца оставалось девять человек: фотограф с ассистентом, помогавшая им Глебова, директор музея Бахтин и четверо охранников. Плюс убитый. Первые трое были всё это время вместе, охранники разделились на пары – двое пошли на обход, двое были в дежурке. Получается, что под подозрение из этих людей директор. Однако проверка браузера его компьютера показала, что всё время от половины восьмого и до четверти девятого, когда Бахтина позвали на поиски, он работал, писал статью.

Таким образом...

Тут в размышления капитана Линецкой ворвались голоса, скрежет отодвигаемых стульев, стук дверей... «Тьфу ты, совещание закончилось, а я ничего не слышала... Нехорошо, могут придраться!» - подумала она.

Последним вышел Иванцов, закрыл за собой дверь, и майор Березин посмотрел на Марию.

- Что скажешь? Как дальше планируешь вести розыск?

- Три «чёрных хода» во дворце, Алексей Васильевич, - ответила она. – Три! Из них один был закрыт в незапамятные времена, а два ещё несколько лет назад были вполне действующими. И о них, по словам Сиротина, знает считанное количество людей.

- Считанное?

- Да.

- И сколько?

- Вот сейчас пойду туда и как раз буду считать. Охранники, например, не знают. Я смотрела имеющийся у них план дворца, там эти входы не обозначены. Директор... Не уверена, он человек новый, может и не быть в курсе. Кто-то из давних сотрудников наверняка знает, буду выяснять, кто.

- Значит так, Линецкая... - майор пощёлкал шариковой ручкой, переставил справа налево сувенирного каменного медведя. – Сегодня понедельник. Три дня тебе даю, если в четверг не будет дело закончено, можешь на повышение не рассчитывать.

Мария закусила губу, потом упрямо тряхнула головой.

- Простите, Алексей Васильевич, но сейчас во дворце и парке фестиваль. Я почти ничего сделать не могу, там везде толпы народу, и все работники музея заняты всякими мероприятиями. Чуть что, начинают кричать, что мы срываем фестиваль.

- Фестиваль... - повторил майор. – Да, за это тоже по головке не погладят. Ты... работай, рой землю. До четверга я

тебя не тревожу, в четверг вечером решим. Всё, иди, у меня дела!

Словно в подтверждение этому на его столе зазвонили сразу два телефона.

«Ладно! – сказала Мария сама себе, выходя из кабинета начальства и плотно закрывая за собой дверь. – По справедливости – никто не может сказать, что я не работаю! Значит, отправляюсь во дворец и опрашиваю сотрудников. День у них сегодня выходной, понедельник, посетителей не будет, так что вполне можно отловить каждого и попытаться самым пружестоким образом».

Не обращая внимания на взгляды сослуживцев, как сочувственные, так и насмешливые, Линецкая забрала свою сумку и отправилась, куда собралась.

Всё оказалось не так просто: музейщики разбежались по территории парка, словно рассыпанный по кафелю горох. Предстояли два концерта, симфонический и рок-музыки, «Ночь света», несколько конкурсов и, в качестве последнего штриха – тот самый костюмированный бал, о котором Линецкая слышала уже сто сорок шесть раз от разных людей. «Тоже у Лерки костюм попросить что ли? А и попрошу, почему бы нет? Тем более, что бал в пятницу, и я уже точно буду знать, не уволили ли меня, а значит, смогу веселиться, не отвлекаясь!» – думала она, идя по дорожке в сторону «Берёзового домика»[1]. В павильоне она рассчитывала отыскать двух экскурсоводов, Ольгу Ивановну Хореву и Лилию Сиро-

тину.

Отыскала.

Чем эти учёные дамы там занимались, было непонятно. К моменту, когда Линецкая их увидела, они шипели друг на друга, словно две гусыни, а несколько рабочих в оранжевых жилетах посмеивались, стоя поодаль. Мария даже притормозила, не желая прерывать процесс: судя по всему, молодость в лице Сиротиной побеждала с разгромным счётом. Если бы это и вправду были гусыни, почтенная госпожа Хорева уже осталась бы без перьев.

Честно говоря, у Марии Линецкой были свои основания для большой и глубокой любви к Хоревой. Когда-то, когда Маша училась в школе, классе в пятом или в шестом, классная руководительница записала её в исторический кружок. Линецкая особо не сопротивлялась – ей было решительно всё равно, какие из дополнительных занятий будут отбирать у неё по два часа в неделю, её в равной степени не волновали история, химия или театральный кружок, вот математика!... В крайнем случае она согласилась бы на литературу, читала Маша много, хотя и бессистемно. Но увы! Литературный кружок был забит под завязочку, а математичка больше болела, чем вела уроки. Пришлось соглашаться на историю.

Вела кружок экскурсовод из дворца, уже в то время старейшая сотрудница музея, Ольга Ивановна Хорева. Неприязнь, которая возникла у Ольги Ивановны к длинной, коротко стриженной, резкой девчонке, словами передать труд-

но. Ну, скажем, грандиозная. Или огромная. Или глубокая. С соответствующими язвительными репликами раз по пять на каждом занятии.

Заметим в скобках, что Ольга Ивановна и вообще детей не особо жаловала... Но платили в музее немного, так что подработка в школе представлялась ей наименее трудоёмкой.

Надо ли говорить, что Линецкая очень быстро осознала, как к ней относится руководительница кружка. Попыталась не ходить – не дали. Классная руководительница очень убедительно призвала к порядку, намекнув на годовые тройки и прочие неприятности. Тогда Линецкая пожалала плечами и стала мстить, благо Ольга Ивановна дала ей для того возможность: на первом занятии она выдала всем программу на год с темами занятий и даже рекомендуемой литературой. Так что Маша стала к каждому занятию кружка готовить реферат по теме.

Первое, что видела бедная Хорева, входя в класс – стоящая столбиком Линецкая с распечатанным рефератом; первое, что слышала – «Ольга Ивановна, у меня доклад!».

На второе полугодие она из школы дезертировала, и занятия в кружке стал вести новый историк Виктор Семёнович, но это уже совсем другая история.

Лилия Сиротина добила противницу последней фразой и отряхнула руки. Капитан Линецкая шагнула вперёд и окликнула обеих:

- Уважаемые дамы, прошу вас не уходить! Мне нужно за-

дать вам несколько вопросов.

- Мне некогда! – Ольга Ивановна задрала подбородок и развернулась, собираясь покинуть арену.

- Извините, госпожа Хорева, но вам придётся задержать-ся. Это всего на несколько минут. Хотя... - тут Мария изобразила глубокую задумчивость, даже приложила палец к виску. – Если вы предпочитаете отвечать на вопросы в отделении полиции, это вполне возможно.

Почтенная дама снова повернулась.

- Линецкая! – сказала она с отвращением. – Ты как была двоечницей и хулиганкой, так и осталась.

- Вы совершенно правы, Ольга Ивановна! – Линецкая улыбнулась. – Так что, вы желаете отвечать на вопросы сейчас, или вам выписать повестку?

Краем глаза она заметила, что рабочие удивительным образом полностью растворились в кустах, хотя ярко-оранжевые жилеты должны были быть видны за сотню метров. «Надо будет потом найти их бригадира и с ним тоже поговорить, - мелькнула у неё мысль. – Если эти ребята здесь в парке постоянно работают, они много чего могли видеть!»

Капитан Линецкая и два сержанта из её отдела задавали всем работникам дворцового комплекса, от директора до садовников, одни и те же вопросы.

«Хорошо ли вы знали убитого?»

«Что можете о нём рассказать?»

«Не заметили ли вы чего-нибудь странного или необыч-

ного в поведении кого-то из посетителей или сотрудников дворца?»

«Что вы знаете о коллекции бронзы?»

«Сколько входов во дворец вы знаете и где они находятся?»

Прав был доктор Хаус, говоривший, что все лгут. Сейчас Линецкая, достаточно глубоко погружившаяся в дела этого музея, особенно хорошо чувствовала хаусовскую правоту. Врал мигрант, копавший канаву для отведения воды после дождя, недоговаривал директор Бахтин, и даже Ольга Ивановна Хорева, всю жизнь гордившаяся своей прямоотой, что-то скрывала.

«Ничего, - думала Мария, - ничего. Все лгут, и именно из этой лжи мы и вытащим кусочки правды. Вытащим и сложим из них правильную картинку».

Часа в четыре она поставила последнюю галочку в списке сотрудников, сложила стопочкой три блокнота, куда записывались показания, и убрала эти блокноты в сумку. Оставались сущие пустяки.

Перечитать всё это столько раз, сколько понадобится.

Ещё раз изучить улики.

Понять, кто и почему убил Сольникова.

Отыскать этому железные доказательства.

Закрыть дело.

Мария вернулась в отдел, села за стол и положила перед собой первый блокнот, ручку и стопку чистых листов бума-

ги. В этих записях есть закономерности, должны быть. Просто нужно их обнаружить, вот и всё. А когда она, капитан Линецкая, их обнаружит, она... она пойдёт к Федотовой, ой, то есть, Глебовой, Глебовой, конечно. И к Люсеньке. Они вместе это обсудят, и картинка сложится.

Коротко выдохнув, она нарисовала на первом листе бумаги круг и написала в нём «Сольников».

Валерии Глебовой в этот понедельник тоже было весело. Как ни крути, а сотня костюмов – это очень много. Это гораздо больше, чем просто четыре рейла, которые надо раздать, а потом собрать обратно. Люди, которые будут эти костюмы примерять, и две трети из них сразу окажутся недовольными – размером, отделкой, тем, как они в этом историческом костюме выглядят, тем, что за него надо платить...

Да-да, а вы как думали? Бесплатно арендовать можно только арфу в райском саду, и то неизвестно, что потребуют взамен.

По счастью, вопросы оплаты решал финансовый отдел музея. Если бы не это, Лера бы точно дезертировала с позором, потому что ей за глаза хватало желающих провести вечер июльской пятницы в бальном наряде. Ещё одной маленькой радостью оказалось то, что, по распоряжению Бахтина, на всё время до бала ей выделены были помощницы, Лиля Сиротина и Рада Несвицкая. Уже знакомая нам Лиля служила экскурсоводом и специализировалась на мебели, а Рада,

пришедшая работать во дворец после защиты диплома, всего месяц назад, занималась бронзой и вообще мелкой пластикой.

«Похоже, что Сольников поразил нашу юную сотрудницу в самое сердце, - думала Лера, поглядывая на девушку. – То и дело утирает слезу. Хрустальную, ага... В жизни бы не поверила, что нормальный современный человек может вот просто так рыдать на публике! Ну вот, опять потянулась к носовому платку!»

- Рада, если вы плохо себя чувствуете, то, может быть, вам пойти домой? – спросила она вежливо. – Летняя простуда – очень неприятная вещь, поверьте, а у вас, похоже, именно она и начинается. Да и народу тут, похоже, будет много, тоже не пойдёт на пользу... никому.

- Нет-нет! – Рада быстро вытерла глаза и спрятала платок. – Я... Мне просто в глаз что-то попало. Извините, Валерия Михайловна.

[1] Берёзовый домик и портал «Маска» — единый ансамбль, построенный в конце XVIII века в Дворцовом парке Гатчины.

Сложенный из пудостского камня портал «Маска» закрывает внешне скромный павильон, отделанный берёзовыми поленьями с неснятой корой. Такого рода павильоны-сюрпризы типичны для российских парков второй половины XVIII века. Гатчинский «Берёзовый домик» вначале воспри-

нимается как большая сложенная поленница. Эффект достигается контрастом облика павильона с его великолепным внутренним убранством (роспись, золочёная лепнина, обилие зеркал).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.